

• ДЖЕФФ ВАНДЕРМЕЕР •

BORN

fanzon

Джефф Вандермеер

Борн

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Вандермеер Д.

Борн / Д. Вандермеер — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-04-091027-4

В разрушенном войнами городе будущего мусорщица Рахиль подбирает странное существо — не то животное, не то растение, не то оружие. Борн — так девушка называет найденыша — учится говорить и понимать мир, населенный такими же, как он, неудавшимися экспериментами ученых. Задаёт неудобные вопросы (что такое машина? личность? ад? здравый ум?). Показывает красоту среди развалин. Заставляет вспомнить прошлое, осознать ответственность, испытать — привязанность, ощутить — опасность.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-091027-4

© Вандермеер Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть 1	6
Что я нашла и как	6
Кому я отнесла Борна	9
Где я живу и почему	13
Почему я назвала его Борном и как он изменился	16
Что я нашла в комнатах Вика	18
Что Вик рассказал мне о «рыбьем проекте» и о Компании	21
Как я поступала с другими и как другие поступали со мной	24
Кто я и откуда	29
Что я сделала после, хотя, возможно, это и было неправильно	32
Чему я научила Борна, и чему Борн научил меня	37
Часть 2	41
Как все прошло и что случилось после	41
Что случилось, когда я снова вышла наружу	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джефф Вандермеер Борн

Посвящается Энн

* * *

Jeff VanderMeer
Borne

Published by arrangement with Farrar, Straus and Giroux, LLC, New York

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2016 by Jeff VanderMeer

© С. Резник, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“»,
2018

Часть 1

Что я нашла и как

Я нашла Борна бронзово-солнечным днем, когда к нашему дому подковылял гигантский медведь Морд. Так что в первую очередь, Борн был для меня найденышем. Хотя тогда я еще не знала, чем он для нас станет. Не думала, что он полностью перевернет нашу жизнь.

Тем более что и думать-то было особо не над чем: темно-фиолетовый комок размером с мой кулак, цепляющийся за шерсть Морда, словно выброшенный прибором полураспустившийся морской анемон. Я заметила его только потому, что он, как маячок, каждые полминуты помаргивал изумрудно-зеленым огоньком, пробивавшимся сквозь пурпур.

Подобравшись ближе, я почувствовала запах моря, он накатил соленой волной, на мгновение смыл разрушенный город, вечные поиски еды и воды, бегство от вооруженных банд, а также измененных существ неясного происхождения или назначения. Исчезли даже изуродованные обгоревшие тела, свисающие с разбитых фонарей.

Вместо них на краткий момент найденная мною вещь вернула меня на отмели моей юности, далеко от этого города. Я ощутила ветер, аромат сморщившегося от соли засушенного цветка, узнала холодок воды, окатившей мои ноги. Припомнила долгую охоту за ракушками, хриплый голос отца и переливчатую скороговорку матери. Мои ступни погрузились в медовое тепло песка, я всматривалась в белые паруса у горизонта, обещавшие нашему острову гостей из-за моря. Если только я действительно когда-то жила на острове. Если только все это было правдой.

Отблеск солнца в гнилой желтизне глаза Морда.

В тот день я все утро следила за Мордом, с самого его пробуждения в тени здания Компании, что далеко на юге. Истинный правитель города поднялся в небо, приблизился к тому месту, где я пряталась, разинул пасть и начал утолять жажду, возя рылом по нечистому речному ложу, простирившемуся на север. Никто, кроме Морда, не мог напиться из этой реки и остаться в живых. Таким его создала Компания. Затем, невесомый, будто семечко одуванчика, убийца вновь появился в небесной лазури. Где-то на востоке, под хмурыми дождевыми облаками, Морд обнаружил добычу и, рухнув на нее с высоты, освободил несколько визжащих кусочков мяса от необходимости жить. Обратив их в кровавый туман, во взбаламученную волну своего наигнуснейшего дыхания. Иногда свежая кровь заставляет его чихать.

Даже Вик не знает, почему Компания прозвала приближение дня, когда из охранника Морд превратился в их погибель, почему они не попытались его уничтожить, пока оставалась возможность. Теперь было слишком поздно, потому что Морд стал не просто Бегемотом. Какая-то инженерная магия, вырванная им у Компании, научила его подниматься в воздух и летать.

К тому времени, когда я добралась до лежки Морда, он спал беспокойным сном, вздрагивая, точно от подземных толчков. Задняя лапа высоко вздымалась над моей головой. Даже когда он лежал на боку, его туша достигала третьего этажа. Удовлетворив жажду крови, он делался сонлив; вот и сейчас, бездумно растянувшись там, где застала дрема, он сравнивал с землей подвернувшееся здание, превратив его в шаткую грудку кирпичных обломков, ставших ему постелью.

Когти и клыки Морда убивали и потрошили с быстротой молнии. Глаза, иногда открытые даже во сне, были огромными, засиженными мухами буркалами, поставляющими информацию мозгу, который, по уверениям некоторых, функционировал во вселенском мас-

штабе. Для меня же – человеческой блохи по сравнению с ним – все, чем он занимался, выглядело ассенизацией. Из каких-то побуждений, известных ему одному, Морд доламывал и переделывал наш и без того разгромленный город, преобразуя его на свой безумный манер.

Когда он, возбудившись, вылезал из берлоги, устроенной им в развороченном здании Компании, к его косматой, свалявшейся от грязи, падали и химикатов шерсти прилипали самые разнообразные сокровища. Он то и дело одаривал нас упаковками неизвестного мяса, оставшимися от Компании, временами я находила трупы неопознанных животных с лопнувшими от внутричерепного давления головами и блестящими выпученными глазами. Если нам везло, эти сокровища так и падали с него дождем, когда он вразвалку брел по земле или скользил по небу, в такие дни нам не приходилось на него забираться. И в один из лучших из этих пропащих дней мы нашли жуков, которые можно было засовывать в ухо, наподобие тех, что мастерил мой товарищ Вик. Как и все в этой жизни, находки были непредсказуемыми, оставалось лишь следовать по пятам за Мордом, согнувшись в три погибели, и надеяться чем-нибудь от него поживиться.

Отдельные вещи, как всегда предупреждал меня Вик, могли быть подброшены специально. Могли оказаться подлыми ловушками. Обманкой. Но в чем в чем, а в ловушках я разбиралась. Сама частенько их ставила. Так что ежеутренний совет Вика «быть осторожной» я, выходя из дома, выбрасывала из головы, о чем ему было прекрасно известно. Я рисковала жизнью, чтобы притащить свои находки Вику, а тот уже копался в них, как авгур в кишках. Иногда мне казалось, что Морд дает нам все эти вещи из какого-то извращенного чувства привязанности к нам, к своим игрушкам, куклам для битья. А иной раз я думала, что сама Компания когда-то возложила на него эту обязанность.

Многие мусорщики, обыскивавшие тушу Морда, так же как и я, недооценивали глубину его сна. И в результате оказывались поднятыми на высоту, срывались и падали, разбиваясь насмерть. Морд, даже не замечая этого, скользил по воздуху над своими охотничьими угодьями, над городом, который до сих пор не заслужил себе имя. Поразмыслив, я решила на сей раз ограничиться поисками на одном боку Морда. Злыдарь. Ведмедь. Морд... Его имена были многочисленны и зачастую волшебны для тех, кто произносил их вслух.

Итак, спал ли Морд на самом деле или в ядовитых завихрениях помойки, которую представлял собой его мозг, зародилась какая-то новая каверза? Сегодня в этом непрос то было разобраться. Ободренная храпом медведя, проявившимся в крупной дрожи всей поверхности его тела, я поползла вверх по задней лапе, пока остальные мусорщики выжидали внизу, используя меня как шахтеры канарейку. Тогда-то, путаясь в бурях, жестких водорослях медвежьей шкуры, я и наткнулась на Борна.

Он лежал, тихонько напевая сам себе, едва заметное отверстие на верхушке напоминало постояннодвигающийся рот: колечки плоти то сжимались, то расширялись. «Оно» тогда еще не стало для меня «Им».

Чем ближе я подбиралась, тем больше Борн высывался из шерсти Морда, становясь похожим на какой-то гибрид анемона и кальмара, – этакая гладкая вазочка, по которой пробегала разноцветная рябь: фиолетовая, темно-синяя, цвета морской волны. Четыре вертикальных гребешка пересекали его теплую, пульсирующую кожу, гладкую и слегка шершавую, как у отполированной волнами гальки. Пахло прибрежными тростниками праздным летним полуднем и морской солью с ноткой страстоцвета. Позже я обнаружила, что для каждого у него был свой запах и свои видения.

В общем, оно не выглядело едой или мемо-жуком, но не казалось и мусором, так что я в любом случае подобрала бы его. Просто не смогла бы удержаться.

Туша Морда приподнялась и опала, сотрясаясь от сапа, и мне пришлось присесть, чтобы удержать равновесие. Мерно всхрапывая и замирая, он как бы вторил своему болезненному соннопению. Его завораживающие глаза, огромные, черно-желтые, словно метео-

риты или треснувший купол обсерватории на западе, были крепко зажмурены, а массивная башка беспечно простиралась к востоку.

И на нем сидел Борн, совершенно незащищенный.

Остальные мусорщики, которых шаткое перемирие на короткое время сделало друзьями, осмелев, поползли вверх по боку Морда, рискуя вступить в лес его грязной, но чудотворной шерсти. Я спрятала находку не в сумку, а за пазуху, под мешковатой рубашкой, чтобы никто не увидел и не отобрал.

Борн стучал в мою грудь, будто второе сердце.

– Борн.

Имена и названия значили теперь так мало, что мы прекратили обременять друг друга их поисками. Карта старого горизонта стала пристанищем для зловещей сказки, которая говорила не словами, а отзвуками злодеяний. Полная безвестность среди всех этих обломков погибшей Земли, вот чего я желала. А еще – пару крепких ботинок, если похолодает, да старую жестянку с супом, найденную под щебнем. Вот что теперь составляло мое счастье, и разве могло оно сравниться с какими-то там именами?

И все же я назвала его Борном.

Кому я отнесла Борна

Вик, мой товарищ и любовник, торговал наркотой, иначе и не скажешь. Наркота эта – ужасна и прекрасна, безрадостна и сладостна, как сама жизнь. Жуки, которых он переделывает или изготавливает самостоятельно из материалов, подцепленных нами у Компании, не просто обучают, если ты сунешь их в ухо. Они могут избавлять тебя от одних воспоминаний, подарив взамен иные. Те, кто не в состоянии смириться с нынешней реальностью, кладут их в уши и получают доступ к опыту тех, кто был куда счастливее и жил давным-давно, в местах, которых больше нет.

Именно этот наркотик Вик предложил мне, когда мы впервые встретились. А я отказалась, нутром почуяв опасность того, что выглядело спасением. Стоило поместить такого жука в ухо, и за ментоловым или лаймовым взрывом следовали волшебные призраки мест, которых, как я надеялась, никогда не существовало в действительности. Было бы чересчур жестоко, если бы рай оказался реален. Подобные безрассудные идеи могли одурманить навеки.

Изумление на лице Вика при моем отказе заставило меня тогда остаться и поговорить с ним. К сожалению, об истинной причине этого изумления я узнала много позже.

Я выложила «морского анемона» на шаткий стол, перед которым стояли два наших стула. Мы сидели на одном из выветрившихся балконов, выступающих из отвесной скалы и наведших меня на мысль прозвать наше убежище Балконными Утесами. Настоящее имя этого места, обозначенное на ржавой табличке в подвальном вестибюле, прочитать было невозможно.

Позади нас находился дом, где мы жили, а далеко внизу, за сетью Вика, призванной скрыть нас от посторонних глаз, извивалась в корчах ядовитая река, опоясывающая большую часть города. Над варевом из солей тяжелых металлов, нефти и всяческих отходов постоянно висело едкое марево, напоминая нам о том, что все мы вскоре сдохнем от рака или чего похуже. За рекой лежала пустошь, поросшая чахлым кустарничком. Отвратительное, ненужное место, хотя изредка из-за горизонта сюда еще приходили люди.

Например, я.

– Что это за штуковина? – спросила я Вика.

Тот посмотрел на мою находку долгим пристальным взглядом. Она пульсировала, точно безобидная практичная лампа. Будучи тем не менее одним из кошмаров, на которые когда-то обрекла этот город Компания, решившая испытать свои биотехнологии, что называется, на улицах. Город превратился в огромный полигон, а теперь доживал последние дни. Как и сама Компания.

Губы Вика искривились в слабой рахитичной улыбке, напоминавшей скорее гримасу. Он сидел, одной рукой облокотившись о столешницу и закинув ногу на ногу, одетый в широкие льняные штаны, найденные неделю назад, и рубаху на пуговицах, когда-то белую, а теперь пожелтевшую от долгой носки. Вик выглядел расслабленным, но я знала, что это только поза, призванная создать видимость спокойствия, как говорится, на благо города, так и ради меня самой. Штаны порваны. В рубашке – дыры. Детали, которые не хотелось замечать, говорили о многом.

– Чем она не является, – вот вопрос, который надо было задать первым, – произнес Вик.

– Ладно, и чем же она не является?

Он пожал плечами, словно не желая доверять мне тайну. Иногда, при обсуждении моих находок, между нами вдруг вырастала стена недоверия.

– Может, мне зайти в другой раз? Когда ты будешь более разговорчивым? – спросила я.

По мере нашего общения я подрастеряла свое терпение, что было, в общем-то, неправильно, так как именно сейчас ему требовалась моя поддержка. Сырье для жуков заканчивалось, к тому же, на него давили конкуренты, особенно Морокунья, подмявшая под себя все западные районы города. Конкуренты предъявляли ему определенные требования, завладев не только его территориями, но и думами. Красивое лицо под густыми светлыми волосами заострилось, щеки впали, резче обозначились высокие скулы. Короче, он сгорал, как свечка.

– Оно может летать? – спросил наконец Вик.

– Не-а, – улыбнулась я. – Крыльев-то нет.

Впрочем, мы оба знали, что это еще ничего не значит.

– А кусаться?

– Ну, меня оно не укусило. Может, мне самой следовало его укусить?

– Но съесть мы его съедим?

Само собой, есть мою находку он не собирался. Вик всегда был осторожен, даже когда вел себя безрассудно. Однако в итоге он все-таки приоткрылся, как всегда неожиданно. Наверное, в этом и была вся соль.

– Нет, не можем.

– Тогда давай поиграем им в мяч.

– Хочешь помочь ему полетать?

– Ну, раз уж мы не собираемся его есть.

– Оно уже не похоже на мячик.

И это было правдой. Некоторое время назад создание, которое я назвала Борном, съезжилось и с необыкновенно изящной, даже робкой грацией приняло форму вазы. Штуковина просто стояла на столе, успокаивающе пульсируя и мерцая. Теперь она казалась крупнее, чем прежде, то ли из-за этого мерцания, то ли действительно начала расти. Карие с прозеленью глаза Вика расширились, на худом лице засветился интерес: он размышлял над загадкой моей находки. Его глаза замечали все на свете, кроме того, каким я видела его самого.

– Я знаю, чем оно не является, – сказал Вик на сей раз уже серьезно. – Это не творение Морда. Вряд ли он вообще знал, что таскает его на себе. Однако вовсе не обязательно, что оно создано Компанией.

Коварства Морду было не занимать, а их отношения с Компанией постоянно менялись. Иногда мы задавались вопросом, не разразилась ли в руинах комплекса зданий Компании гражданская война между теми, кто поддерживал Морда, и теми, кто уже сто раз пожалел, что он был создан.

– Где же он мог это подцепить, если не в Компании?

Дрогнувшие губы сделали черты Вика еще более завораживающими.

– До меня дошли кое-какие слухи. О тех, что бродят по городу и не принадлежат ни Морду, ни Компании, ни Морокунье. Я видел их на окраинах, ночью в пустыне, и мне стало любопытно...

Утром за мной тенью бежали лисы и другие мелкие зверюшки. Не их ли Вик имел в виду? Их странно быстрое размножение оставалось загадкой: была ли причастна к этому Компания или просто на город наступала пустыня? Я не стала говорить Вику о зверье, предпочитая, чтобы он сперва высказал свои соображения.

– Их? – переспросила я.

Однако он, проигнорировав мой вопрос, сменил тему.

– Что же, теперь можно и поизучать, – Вик протянул руку к Борну.

Пунцовые черви, жившие в его запястье, ненадолго высунулись наружу, обследовали мою находку и втянулись обратно под кожу.

– Как ни удивительно, но это вещь Компании. По крайней мере, создано в ее стенах.

Лет десять назад он сам работал на Компанию, когда та была еще в зените славы, потом его «вышвырнули оттуда, как собаку», признался он мне в редкую минуту откровенности.

– В ее стенах, но не самой Компанией? – уточнила я.

– Аскетичность дизайна определенно указывает на единственного автора.

Когда Вик принимался плясать вокруг моих находок, я всегда нервничала. Мир был слишком ненадежен, а если я что и рассчитывала получить от Вика, помимо безопасности, так это знания.

– Думаешь, какой-то брак? – спросила я. – Выкидыш? Нечто, выброшенное в мусор за ненужностью?

Вик покачал головой, но хмурое выражение его лица выглядело не слишком обнадеживающе. Он был самодостаточен и замкнут. Как и я. Ну, или так мы оба считали. Однако теперь я чувствовала, что от меня утаивают какую-то важную информацию.

– Что же это тогда?

– Да, в общем-то, что угодно. Маячок. Сигнал бедствия. Бомба.

Неужели он действительно не знает?

– Так, может, имеет смысл его съесть?

Он засмеялся, разбив вдребезги строгие черты своего лица. Его смех меня вовсе не задел. Во всяком случае, не тогда.

– Пожалуй, я – пас. Хорошо, если слопаем маячок, а если бомбу? – Он подался вперед. Я находила определенное удовольствие, наблюдая за ним исподтишка.

– Но нам надо выяснить его предназначение. Если ты дашь это мне, я разберу его и прогоню через своих жучков. Так мы узнаем больше. Найдем ему применение.

На свой манер мы с ним были партнерами. Иногда я даже звала его боссом, поскольку занималась для него поисками, но отдавать ему своего «анемона» не собиралась. Такого соглашения мы не заключали. Конечно, он мог бы стащить его, пока я спала... но подобные случаи всегда рассматривались мною как проверка наших отношений. Являлись ли мы симбионтами или паразитами?

Я вновь посмотрела на креатуру, стоящую на столе, и мною овладел собственнический инстинкт. Он нахлынул совершенно неожиданно, но было абсолютно естественным. И вызван не только тем, что именно я рисковала своей шкурой, залезая на Морда, чтобы найти этого Борна.

– Думаю, я пока придержу его у себя.

Вик посмотрел на меня долгим взглядом, пожал плечами и нарочито небрежно проговорил:

– Как знаешь.

Борн мог оказаться чем-то необычным, но мы уже повидали немало необычного. Возможно, Вик решил, что вреда от находки не будет.

Достал из кармана золотого жука, сунул себе в ухо, и его глаза перестали меня видеть. Он поступал так всегда, когда что-то особенно болезненно напоминало ему о Компании, вызывая своего рода яростное самобичевание и меланхолию. Я не раз намекала, что исповедь помогла бы ему обрести душевный покой, но он оставлял мои слова без внимания. Говорил, что щадит меня. Нельзя сказать, чтобы я ему верила.

Скорее всего, он пытался забыть подробности какого-то собственного фиаско, которое не в силах был себе простить. Чего-то, что он возложил на себя, каких-то действий, предпринятых под самый конец. Тогда как работа, которую он выбрал, или был вынужден выбрать, после ухода из Компании, напоминала ему о ней ежечасно и ежедневно. Сама я сообразить, в чем дело, не могла, поскольку мало что смыслила в биотехнологиях, чувствуя между тем, что разгадка кроется именно в них. Вероятно, Вик считал, что я просто ничего не пойму.

Если бы я в тот день была повнимательней или если бы Вик поговорил со мной о Борне, все могло обернуться совершенно иначе. Если бы только он настоял на своем и забрал у меня Борна. Но он этого не сделал. Он не мог.

Где я живу и почему

К тому моменту, когда я нашла Борна, мы с Виком были связаны самыми разными способами. Общим безопасным жильем – теми самыми Балконными Утесами у отравленной реки на северо-восточной окраине города. Западная часть города, спускавшаяся к морю, была территорией Морокуньи. На юге, за лоскутным одеялом оазисов и пустырей, раскинулись руины Компании, охраняемые Мордом. Значительная часть всего этого расплзлась по высохшему морскому дну, простиравшемуся до пустынной равнины за городом.

Вик обнаружил и «застолбил» Балконные Утесы еще до знакомства со мной. Однако окончательно устроился там только после того, как пригласил меня. Его вкладом в совместное хозяйство стал постоянно тающий запас биотехнологических и химических обманок, моим – талант ставить ловушки, как физические, так и психологические. Воспользовавшись чертежами Вика, я укрепила и расчистила лучше всего сохранившиеся коридоры, прочие же заканчивались теперь замаскированными ямами, битым стеклом или чем похуже. Я воспользовалась ностальгическими страшилками: обложками книг с изображениями черепов, окровавленной колыбелью, которую за все эти годы никто не решился уничтожить, а также несколькими дюжинами пар обуви (некоторые были прямо с мумифицированными ногами). В одной комнате с потолка свисали ветхие останки похожего на собаку животного, видимо заблудившегося здесь и издохшего. Граффити, намалеванные на стене, преследовали бы непрошеного гостя в ночных кошмарах. Если только он умел читать. Проволочная растяжка запускала шоу ужасов, срежиссированное Виком при посредстве феромонов и галлюциногенов. Нападения не замедлили начаться, многие сквоттеры испытывали свою удачу, но нам всегда удавалось отбиться.

Один маршрут вел к комнатам Вика, другой – к лестнице в бывший вестибюль, откуда можно было попасть в убежище, скрытое под слоем перегноя. Еще один вел мимо западни к переоборудованному бассейну, где Вик, на манер сумасшедшего ученого, устроил садок для своих биотехов. Оттуда можно было попасть к утесу с балконами, который и дал имя этому месту.

Если принять за точку отсчета мастерскую Вика, то пути, обозначенные на плане, разворачивавшемся в моей голове, вели прежде всего к южному краю холма, отделенного от зданий Компании широкой полосой разрушений на юго-западе города, где пути эти нарочно ветвились, с целью создать непроходимый лабиринт для нежелательных гостей... прежде чем вновь упроститься до трех проходов, из которых только один шел в безопасное место, спрятавшееся за дверью, совершенно сливавшуюся с холмом и покрытую вуалью из мха и выющихся растений. Чем ближе вы подходили к двери, тем сильнее шибало в нос гнилостной вонью – одним из наиболее вдохновенных феромоновых извращений Вика. Даже мне было нелегко выходить из дома этим путем.

Теперь по всему лабиринту, в который мы превратили Балконные Утесы, была разлита взаимная верность куда более интимная, чем то, что происходило у нас в спальне. Коридоры? Туннели? Все различия стерлись благодаря нашим правилам ведения раскопок, а также добавленным Виком особенным паукам и прочим насекомым. Я следила за своими ловушками по карте, а Вик, поднаторевший на подобных штуках за время работы на Компанию, использовал для контроля сидевшую в неглубокой кастрюле с водой камбалоподобную креатуру, на чьей спинке отражалась постоянно меняющаяся аккуратная схема.

В какой-то момент наши тела переплелись так же, как наши системы защиты, что породило неожиданную синергию. Взаимная выгода, вызванная крайним одиночеством и нуждой, сначала преодолела пределы дружбы, а затем подошла к некой аморфной границе, к чувству, которое не могло быть любовью, по крайней мере мне его так называть не хотелось.

В минуты слабости я проводила ладонью по его сухощавой груди, дразня Вика за бледную, почти прозрачную кожу, в сравнении с темно-коричневой на моих бедрах, и тогда на какое-то время становилась счастливой в потайном сердце наших Балконных Утесов. И меня вполне устраивало, что сегодня мы были любовниками, а завтра – просто союзниками.

На самом деле, когда мы спали вместе, я знала: Вик теряет себя, отваживаясь быть уязвимым. Я чувствовала это совершенно отчетливо, даже если ошибалась. По этой причине, пусть и скрывая от него что-то, я всегда возвращалась в Балконные Утесы, ведомая чем-то вроде оптической связи. Лазерные лучи, исходящие от нас двоих и несущие информацию о наших телах и разумах, пронизывали Утесы, которые благодаря нашим взаимным усилиям оставались островком безопасности. Сенсоры и проволочные растяжки, чувствительные к малейшему прикосновению и вибрации... Мы будто бы находились в центре чего-то очень важного. И Вик, лежа подо мною, тоже не в силах был освободиться от этой связи.

А еще была щекочущая нервы таинственность: чтобы сохранить безопасность, мы не могли появляться вместе, всегда ходили разными путями и в разное время. Привкус этой таинственности стал составной частью наших отношений. Любой, кто рыскал у нас над головами, решил бы, что внизу, под рощицей чахлах сосен, находится лишь навозная куча да старая мусорная свалка: множество слоев обвалившихся балок, человеческих останков, ржавых холодильников, взорванных автомобилей, спрессованных в упругую, почти живую труху.

Однако под всей этой массой, прикрывающей нас, под крепкой крышей Балконных Утесов, таилась паутина, служившая нашим вместилищем, линии, объединявшие женщину по имени Рахиль и мужчину по имени Вик. Своего рода тайная геометрия нашей внутренней жизни, карта, постоянно вращавшаяся в наших головах словно микрокосм.

В этот-то кокон, безопасный рай, огромный силос, ловивший время и ресурсы, я и принесла Борна. А где-то включился таймер, отсчитывая оставшееся нам время. Мы с Виком оба знали, что сколько бы биотехнологического сырья он ни создал или ни выменял, детали жуков и иные предметы первой необходимости, когда-то позаимствованные им у Компании, рано или поздно закончатся. А мои ловушки без его страшненьких «присадок» надолго мусорщиков не удержат.

Неуклонно приближался тот день, когда нам придется пересмотреть не только наши отношения с Балконными Утесами, но и друг с другом. В центре всех троп находились мои комнаты, где мы, туго сплетенные, трахались, занимались любовью, равноудаленные от любых границ, грозящих посягательством, и любых врагов, стремящихся к нам проникнуть. Здесь мы могли быть жадными и эгоистичными и видеть друг друга как на ладони. Ну, или, по крайней мере, думать так, ведь все, что мы имели – это враждебный мир за стенами.

В ту первую ночь, после того как я принесла Борна в наш дом, мы с Виком лежали в моей комнате и слушали далекий, глухой звук ливня, бьющего по мшистой земле над нашими головами. Мы оба знали, что дождь не настоящий. Настоящий дождь в этом городе приходил на короткое время, но мы не рисковали покидать убежище. Даже дождь зачастую проливался ядом.

Мы почти не разговаривали. Не занимались сексом. Просто лежали, уютно обнявшись, в то время как Борн стоял на стуле в углу спальни, настолько далеко от нас, насколько это было возможно. Пальцы Вика были сильными, а их кончики – практически гладкими после многих лет работы с материалами, требовавшимися для его чанов с прото-жизнью. Мне нравилось держать его за руки.

Вот как далеко мы забрались: могли молчать и все же быть вместе. Но даже тогда, в ту первую ночь, присутствие Борна что-то изменило, и я не понимала, не молчим ли мы в том числе и из-за него.

Утром, выглянув в одну из наших потайных дверей, мы обнаружили треснувшую землю, корчащуюся смертельными муками тысяч крошечных алых саламандр. Ковер медленно шевелящихся лапок и обсидиановых глазок. Почти что мираж. Узор оживших вопросительных знаков, бессмысленно пролившихся дождем с темного неба. Тут же с запада послышалось рычание Морда, и мы почувствовали дрожь его шагов. Гневался ли он на этот ни с чем не сообразный дождь или на что-то – кого-то? – еще?

Однажды на небосклоне появились кометы, и люди приняли их за небесных жителей. А теперь вот у нас был Морд и саламандры. Что они предвещали? Какая судьба ждала город? В течение нескольких минут тела саламандр под солнечными лучами растеклись жижей, впитавшейся в землю. Осталась тускло-красная переливчатая пленка вроде нефтяной, усеянная мельчайшими следами искомых животных.

Вик, похоже, не особенно заинтересовался саламандрами, несмотря на необходимость пополнить запасы материала в своем плавательном бассейне.

– Они зараженные, – подтвердил он то, что я уже прочитала на его лице.

Почему я назвала его Борном и как он изменился

Я назвала креатуру Борном, припомнив то небольшое, что Вик рассказывал мне о работе в Компании. О своих созданиях он говорил так: «Он зародился, но его породил я».

Когда я не занималась поисками для Вика или для себя самой, то возилась с Борном. Для этого пришлось немного поэкспериментировать, отчасти потому, что прежде мне никогда не приходилось ни о ком заботиться, за исключением нескольких крабов-отшельников в детстве да бродячей собаки. В последнем случае меня едва хватило на день. Семьи у меня не было, родители умерли еще до того, как я перебралась в город.

О Борне я ничего не знала и сначала обращалась с ним как с растением. На первый взгляд это казалось логичным. Борн выглядел вполне довольным, даже раскрылся, пока я тихо-мирно закусывала продовольственным пайком, целую кучу которых обнаружила в полузасыпанном подвале. Борн с таинственным видом стоял на столе передо мной. И вдруг, жуя, я услышала хныканье и отчетливый «чмок». Отложив еду, я увидела, что верхушка Борна вновь раскрылась, и почувствовала аромат, напоминающий одновременно розу и тапиоку. Оболочка его отогнулась, разделившись на «лепестки» и обнажив тонкие, темно-зеленые усики, которые извивались, защищая скрытое ядро.

– Никакой ты не морской анемон, Борн, – непроизвольно вскрикнула я, – ты – растение!

Я уже приобрела привычку «беседовать» с ним, но при звуках моего голоса Борн сразу закрылся – про себя я назвала это «защитным поведением» – и в тот день больше не раскрылся. Так что я, поставив его на тарелку, отнесла в ванную комнату, на полку под косым отверстием в потолке, где на него мог упасть неправдоподобный солнечный свет. Я сама любовалась этим зеленоватым, плесневелым отсветом по утрам, прежде чем отправиться по делам Вика.

К концу второго дня Борн приобрел желтовато-розовый оттенок, продолжая упорствовать в своем «защитном поведении». То ли заболел, то ли впал в религиозный экстаз, – то и другое я часто видела в городе. От него отчетливо запахло кухней. Я сняла Борна с полки и вернула на обеденный стол. Между тем я заметила, что черви, перерабатывавшие мои фекалии в нутриенты, используемые Виком в его бассейне, исчезли.

Итак, я узнала кое-что полезное. Борн может перегреться на солнце. Борн любит навозных червей. Борн может передвигаться самостоятельно, но никогда не делает этого при мне. Следовательно, он сам захотел побыть на солнце. В общем, ничто не указывало на то, что Борн был уродцем или каким-то там «бракованным экземпляром».

Я повысила его в звании до животного, но не перевела в категорию «целеустремленных». А должна была бы, поскольку Борн не старался больше скрывать свои перемещения. Возвращаясь домой, я, бывало, находила его в спальне, хотя оставляла на кухне, или в коридоре, а не на полу гостиной. При моем появлении Борн всегда делался неподвижным и не издавал ни звука, и мне никак не удавалось поймать его на «горячем». Казалось, это его веселит, но вероятно, я просто проецировала на него собственные чувства. Это стало своего рода потехой: угадать, куда он заберется на сей раз. Отныне я возвращалась домой с гораздо большим нетерпением, чем обычно.

Однако когда я сказала об этом Вику, передавая ему полуживого лазурного слизняка, раздобытого неподалеку от Компании, он не увидел здесь ничего забавного.

– Тебя саму это не беспокоит?

– О чем мне беспокоиться?

– Хотя бы о том, что он утаивает от тебя свои способности. Уже. И ты понятия не имеешь, что будет дальше. Ты говоришь, что оно – органическое и, вероятно, умное как собака, а мы до сих пор не знаем его назначения.

– Ты же сказал, что назначение необязательно.

– Я мог ошибаться. Слушай, отдай его мне, а? Я выясню, что оно такое.

– Разобрав на части? – содрогнулась я.

– Ну, может быть. То есть да, разумеется. Оборудование у меня здесь довольно примитивное. К тому же нет ни времени, ни талантов для чего-то неинвазивного.

Вторжение Морокуньи и заканчивающиеся припасы – вот что определяло теперь течение нашей жизни. Для Вика Борн был просто еще одной переменной, чем-то, что требовалось взять под контроль, чтобы держать в узде собственное нервное напряжение. Я это прекрасно понимала, но беда в том, что жизнь в Балконных Утесах создавала ложную уверенность, будто мы можем загадывать на день вперед, а то и на целую неделю. Вместе со смехом над выходками Борна в меня заполз червь сомнения.

Повинуясь порыву, я крепко обняла Вика, попытавшегося отстраниться. «Это просто общее дело, вопрос выживания, – говорило мне его сопротивление, – не надо смешивать личные отношения с бизнесом». Однако я ничего не могла с собой поделать.

Как не могла отдать ему Борна. И отнюдь не из лицемерной жалости, заботливости или чего-то в таком роде. А раз не могла отдать, то и говорить о нем перестала. На вопросы отвечала односложно и легкомысленно: «Он в порядке», «Он всего лишь растение и ничего больше», «Ходячий кактус, горшок по нему плачет». Вик смотрел так, словно видел насквозь, однако Борна не трогал.

Все это стало проверкой того, не исчезло ли между нами взаимное доверие, и каждый раз, потихоньку расширяя эту зону доверия, я ожидала, что Вик не выдержит груза и его терпение лопнет.

Что я нашла в комнатах Вика

Доверие, однако, требовало кое-какого предательства. Задолго до появления Борна, я обыскала комнаты Вика, пока он ходил продавать своих жуков. Думаю, он сделал то же самое, хотя кто знает? Анатомию доверия друг с другом не обсуждают.

Осуществление моего предательства потребовало определенных навыков в работе с отмычкой и обходе ловушек, но в итоге оказалось, что игра не стоила свеч. Все три его комнаты мало что смогли поведать о своем хозяине. Признаки его существования в этом ограниченном пространстве оказались мизерны. Ни семейных фотографий, ни портретов, лишь крайне скромный набор личных предметов.

Тогда я решила, что, вероятно, Вик хочет ограничиться малым, чтобы все тайны, лежавшие на сердце, так там и остались. Вообразила, что где-то глубоко, в самой толще Балконных Утесов, погребен запертый сундук, где Вик прячет все, что может бросить на него тень. Если это и было так, мне это место неизвестно. У меня в руках имелись только весьма жалкие доказательства, выуженные из ящика стола посредством творческого переосмысления техники открывания замков: свернутый схематический рисунок рыбы, засунутый в трубу разбитого телескопа, и металлическая коробочка, полная мелких алых раковинок наutilusов, витых и безжизненных.

Я сунула в карман одну, намереваясь рассмотреть попозже, и развернула рисунок, подставив его под тусклый свет светлячков, разведенных Виком на потолке. Мне было известно, что это связано с его последним проектом для Компании, тем, о котором он болтал только по пьяни. Ничего подобного еще не выползло из импровизированного чана-бассейна. Пока не выползло.

Каково бы ни было содержание рисунка, на первый взгляд это было просто изображение уродливой рыбы вроде окуня или карпа. Поперечный разрез с линиями-стрелками, исходящими из мозга и других частей тела, на конце которых находились цифры и случайные буквы. То, что у рыбы было лицо бледной женщины с голубыми глазами, помогало не очень, впечатление все равно получалось омерзительным. Закрадывалась тревожная мысль, что какой-то сумасшедший ученый решил оживить носовую фигуру древнего парусника.

Впрочем, слово «тревога» не годилось для неразборчивых надписей на обороте листа. Наиболее поздние заметки на полях, насколько я могла понять, были постфактум сделаны рукой Вика: эдакие скупые наметки, как можно было бы возобновить рыбий проект, который, судя по всему, в свое время благополучно свернули. Однако основную часть листа занимали более старые надписи, принадлежавшие другому человеку, чья очевидная страсть постепенно переродилась в безумие. Почерк становился все размашистее, буквы – острее и неразборчивее, пока не превратились в темные облака клинописи. Порча затмевала их смысл, что само по себе говорило о многом. Как и то, что слова, проглядывающие сквозь путаницу, оказались практически бесполезными. Прежде чем они окончательно скомкались в нечитаемую невнятицу, я сумела разобрать: «Компании больше нет».

Положив пустой телескоп на кровать, я продолжила свои изыскания, боясь, что Вик вернется и застучает меня за моим занятием. Однако скоро поняла, что ловить больше нечего. Инстинкт мусорщицы толкнул меня к разбитому телескопу. Его поверхность подернута была перламутровой патиной. Я подняла цилиндр поближе к светлячкам и залюбовалась.

И тут меня как огнем обожгло. На поверхности было что-то вытравлено. В действительности «металл» оказался мозаикой из множества рыбьих чешуек, так хорошо друг к другу пригнанных, что места стыков совершенно невозможно было разглядеть. Поверхность была блестящей и чистой, но повернув трубу, я заметила, что от тепла моих пальцев на чешуе

проявились миниатюрные изображения. Ах, Вик, ах, хитрюга! Впрочем, я не видела причины, по которой ему требовалось их скрывать. Судя по всему, это были фотографии города перед разрушением, взятые из старых книг и не представлявшие тайны.

Заинтригованная, я стремительным движением, словно играя на музыкальном инструменте, потеряла поверхность, разогревая чешуйки, и посмотрела, что получилось.

Те, которые не содержали фотографий ныне исчезнувших мест, представляли собой подобие путевых заметок. Списки названий под заголовком «Восстановление», а также некие вопросы и ответы вроде: «Как убить здание? Бездействием». Некоторые оказались аналогом микрофишей с информацией о богатой истории города перед тем, как в нем появилась Компания. Другие были настолько маленькими, что оставалось только гадать об их содержании и удивляться, как Вика удастся их читать. Возможно, у него имелось специальное устройство, тоже, разумеется, спрятанное. Все это было совершенно не похоже на Вика, которого я знала: одиночку, никогда не вспоминавшего о прежнем городе, не питавшего, казалось, никаких надежд на его будущее.

Когда я сообразила, что тут не только старые фотографии и еще более старинные данные, до меня дошла необходимость хранения всего этого в тайне. На некоторых чешуйках помещались чудовищные изображения проектов, так никогда и не завершенных, они донельзя пугали меня, по сравнению с ними Морд выглядел весьма прозаически. Но самое главное, что на некоторых чешуйках содержались технические характеристики биотехов, созданных, насколько мне известно, самим Виком. Нельзя, чтобы эта информация попала к нашим врагам.

Иногда я задавалась вопросом, сохранится ли очарование Вика, если я раскрою все его секреты и пойму, кто он без них.

Вернувшись к себе, я бросила украденного наutilus в стакан с водой и стала наблюдать, как он оживает. Сверкнув багрянцем, раковина начала раскручиваться, моллюск уставился на меня почти вызывающе, а потом распался без остатка, будто его никогда и не было. Фокус с исчезновением. Иллюзия.

Выпить сей эликсир, настоящий на тайнах Вика, я не решилась. Выплеснув воду, вымыла стакан и бросила его на кучу грязной старой одежды, валявшейся в коридоре.

* * *

Второе мое предательство Вика было совсем простым: мне очень нравился Борн. Нутром чувала, что от него надо избавляться, одновременно понимая, что это выше моих сил. Чем больше интеллекта проявлял Борн, тем прочнее я к нему привязывалась.

Кроме того, содержать его оказалось проще простого. Ел он что угодно, подбирая любую мелочь, крупинку или щепку, а все до единого червяки, попадавшие в зону его досягаемости, исчезали, что называется, без вести. Борн подьедал даже то, что я спокойно выбросила бы вон. Благодаря ему компостная яма практически опустела. Думаю, проголодайся он как следует, слопал бы и само мусорное ведро.

Несмотря на простоту содержания, Борн продолжал ставить меня в тупик. Знаете, что было самым загадочным? В него помещалась целая прорва, а вот наружу не выходило ничего. Абсурд, если не пугающий комизм. Я не могла удержаться от смеха. Ни тебе катышков. Ни кучек. Ни жулиц. Ни-че-го.

Наконец Борн увеличивался в размерах. Да, он рос! На первых порах мне не хотелось этого признавать, поскольку концепция роста тянула за собой вывод о возможности и более радикальных изменений: в голову закрадывались мысли о ребенке, становящемся взрослым. Ведь для многих животных взросление сопряжено с такими серьезными изменениями, что

родители весьма сильно отличаются от потомства. Итак, к концу третьего месяца я вынуждена была признать, что Борн мало-помалу увеличился в три раза.

Не могла я отрицать и того, что всячески его скрывала. Не звала Вика к себе, а если звала, то предварительно относила Борна в другую комнату, с глаз долой. Все попытки Вика убедить меня рассматривать Борна как угрозу или хотя бы как существо, требующее осторожности, я игнорировала.

Борн отличался вполне мирным нравом, и я никогда не думала о нем как о чем-то опасном. В принципе было смешно даже использовать местоимение «он», поскольку в поведении Борна не было агрессивности или эгоцентричности, присущих самцам. Напротив, в те первые дни Борн казался мне своего рода чистым листом, на котором я вознамерилась написать только правильные слова.

Что Вик рассказал мне о «рыбьем проекте» и о Компании

Большую часть того, что мне стало известно о «рыбьем проекте» и о Компании, я получила от Вика в виде обрывков некой мрачной истории, которые впоследствии сама соединила в единое целое. Я не понимала, цеплялся ли он за эти воспоминания, чтобы увернуться от мира, или, наоборот, чтобы вернуться в него. Компания заявила в город незваной, когда тот уже почти разорился и был не в состоянии защититься от вторжения. Во время оно Компания казалась горожанам спасением. Им достаточно было одной перспективы получения работы. Я попыталась представить молодого Вика, затянутого Компанией и прошедшего путь от ученика до создателя. Однако образ, как всегда, расплывался и ускользал. Я могла вообразить Вика только окончательно сформировавшимся, таким, каким его узнала.

«Рыбий проект» стал его крахом, причиной изгнания из Компании после многих лет службы. Но хотя рыба и привела к фиаско, воспоминания о ней все же навевали на него ностальгию.

– Аквариум, – как-то ночью пробормотал Вик, примерно за год до того, как я нашла Борна.

Мы находились на нашем балконе, глядя в черное небо и старательно игнорируя волглое хлюпанье отравленной реки внизу. Иногда сквозь защитную завесу, созданную Виком, можно было рассмотреть других людей, сидящих на балконах к северу, вне зоны нашего контроля. Они выглядели безнадежно далекими статуями или манекенами, но мы знали, что они представляют опасность.

Это случилось в начале года, морозным вечером. Порывы ветра из темноты бились о камни балкона, принося с собой бледные речные запахи, я слышала успокаивающее уханье сов и чьи-то скрытные шорохи из подлеска внизу. Я еще подумала, что существа, незаметные и неинтересные нам, отправились по своим делам, тоже не включая нас в свои планы. От меня, впрочем, тоже было мало проку, даже мне самой. Мы оба наладились алко-гольянов, устав после долгого трудового дня. Подошвы моих ботинок измазались в крови: кое-что в моих раскопках пошло не так, но не все было плохо.

Звезды, расплывающиеся в небе, кружили, словно что-то разыскивая, бродили с места на место и мелко дрожали, несмотря на то, что я старалась неподвижно сидеть на своем стуле, задрав голову. При этом я слушала Вика, сидевшего рядом. Бодрая как огурчик. Моя печаль дарила мне ясность ума и своего рода незаслуженную трезвость. Вик был куда пьянее.

– Такая прекрасная рыба! С широким, скорбным ртом, какой можно встретить разве что у некоторых собак. Прекрасная и вместе с тем отвратительная, она двигалась торжественно, как левиафан. По суше, прикинь! Она могла дышать воздухом. Мне очень нравилось, что она могла дышать воздухом. Я подарил ей чудные глаза с изумрудно-золотыми прожилками.

Эту часть истории я уже слышала. При всем при том, хотя Вик и рассказывал о своей рыбе, его подспудные чувства относились вовсе не к ней. Точнее, не совсем к ней. Время шло, звезды постепенно замедляли свое вращение, выстраиваясь в знакомые созвездия, и эмоциональные воспоминания Вика обратились на людей из Компании: старых друзей, покинувших его, или тех, кого покинул он сам, особенно на одного нового сотрудника, который его предал. А еще на руководителя, курировавшего «рыбий проект». На всех этих людей, которых он когда-то впустил в свою жизнь и которые потом ополчились против него. Или сменили кожу. Или изначально действовали согласно своей натуре: Вик на какое-то время оказался в фокусе их внимания, а потом покинул его.

Я не знала этих людей, Вик никогда не рассказывал о них ничего такого, что могло меня заинтересовать. Однако я не припоминала, чтобы, будучи взрослой, доверяла хотя бы трем людям одновременно. И Вик, доверившийся такой куче народу сразу, казался мне глупым и безответственным: доверие – это индульгенция, выдававшаяся старым миром. О том, что Вик доверял им больше, чем доверял мне теперь, даже думать не хотелось. Оставалось лишь гадать, сможет ли он когда-нибудь изменить свое видение Компании и готовность простить ее, согласившись с моей точкой зрения. Для меня же Компания была бледным раздувшимся клещом, присосавшимся к телу больного города, тем, что окончательно растратило наши ресурсы и породило хаос. По слухам, они через подземные туннели переправили готовую продукцию подальше, оставив на нашу долю лишь отстойники с отбросами.

Изредка я встречала старых мусорщиков, которые плели небылицы о прошлом богатстве города, до того, как в него пришла Компания. При этом их лица светились внутренним светом, почти заставив меня изменить мнение насчет мемо-жуков. Ну, почти. То, что они мне рассказывали, было не совсем правдой. Скорее тем, что мы говорим о родном покойнике, вспоминая только хорошее. В этом-то и заключалась прелесть Компании: она победила, несмотря ни на что. Сохранила неразрывную связь с историей города, даже после того, как от него осталась одна лишь сброшенная кожа, призрак былого. И гигантский, жуткий Ведмедь.

– Убил мою рыбоньку прямо перед камерой, встроенной в одного из жуков-шпионов.

Вот только позже он говорил уже о другом человеке. А потом всплыла еще одна версия: что рыба, мол, была только ранена и какое-то время влачила жалкое существование в отстойнике за границей территории Компании. Якобы она протянула там без малого год, то есть куда дольше, чем можно было ожидать, отчасти потому, что ее подкармливал Вик. Креатура сделалась проклятием того места: чудище с человеческим лицом, всплывающее из глубин, чтобы жрать. Хотя человеческое лицо с самого начала было мертво и объедено всякими мелкими тварями, попав в грязную воду, оно начало гнить, и никто так и не узнал, кому оно когда-то принадлежало. Как и о том, не погибло ли тело рыбы от этого воплощения смерти, оказавшегося на ее голове.

В четвертой версии Вик намекал, что рыба, возможно, до сих пор существует где-то глубоко под водой. Короче, Вик рассказывал байки. Он был болен. Впал в экзистенциальную тревогу, вспоминая о том, как его выперли из Компании, саботировали «рыбий проект», как, потеряв связь с головным офисом, Компания скатилась в анархию, и Вику пришлось выживать самостоятельно, без защиты, к которой он привык. Стать торговцем наркотиками, «выживальщиком», таким тощим и полупрозрачным, что он сам сошел бы за одного из глубоководных или пещерных существ.

В свои самые мрачные минуты, когда меня посещали сомнения в истинности собственного «я», когда я предавала свое «я», стремясь к Вику как к противоядию, мне открывалось, что в действительности Вик признается: в прошлом он участвовал в создании столь ужасного оружия, что даже несравненная красота не оправдывала его существование.

Правда, от которой Вик благополучно избавился в своих воспоминаниях, была совершенно недвусмысленна. Она открывалась в примечаниях к рисунку, найденному мною в его комнатах: чудовищная рыба должна была использоваться для полицейских нужд и контроля над толпой, внушать страх, а возможно, и убивать. Где-то, когда правительство еще сохраняло какую-то власть или хотя бы намерение восстановить порядок, и было решено вложить деньги в это самое восстановление.

В ту ночь на балконе, первый и единственный раз, в бессвязной Виковой болтовне о Компании появился другой монстр:

– Морд знал о рыбе. И Морд показал мне, кто я есть.

Я не знала, как это понимать. Получалось, что Вик и Морд работали на Компанию в одно и то же время? Когда Морд был меньше и не летал? Но всякий раз, готовый проболтаться о чем-то важном, Вик, словно чувствуя мой интерес, резко закруглялся. Умолкал совершенно ненатурально.

Это стало границей, за которую Вик не отваживался заходить.

Как я поступала с другими и как другие поступали со мной

В городе граница между кошмаром и реальностью была текучей и изменчивой, так же как смысл слов «убийца» и «смерть». Наверное, ответственность за это лежала на Морде. А может быть, на всех нас.

Убийцей называли того, кто убивал по причинам, не связанным с выживанием. Убийцей был сумасшедший, а не тот, кто пытался просто пережить следующий день. Однажды я ударила камнем женщину. Мы встретились при раскопках на пустынной улице в западной части города. Я нашла гладкий обломок металла, почти поглощенный лоснящимся красным растением, напоминавшим плоть. Я никогда прежде такого не видела и не знала, пригодится ли оно Вику.

Вывернув из-за угла с добычей в руках, я наткнулась на ту женщину. Лет пятидесяти, жилистая, как и многие выжившие, с распушенными седыми волосами, одетая в заплатанные черно-серые тряпки. Увидев меня, она улыбнулась. Потом перевела взгляд на то, чтобы было в моей руке, и улыбка сползла с ее лица.

– Отдай, это мое.

Может быть, она имела в виду: «Сейчас оно станет моим».

Не имело смысла дожидаться, когда она нападет. Присев, я нашарила свободной рукой камень. Незнакомка рванулась ко мне с середины улицы. Я запустила в нее своим камнем, угодив прямо в лоб. Она пошатнулась и повалилась на бок, тяжело дыша. Потом с трудом поднялась. Я швырнула другой камень, снова попав в голову.

На этот раз она покачнулась, скрючилась, уперлась руками в колени. Из раны на голове закапала ярко-красная кровь. Женщина тяжело осела среди обломков, держа за голову, и глядела, как я разжимаю кулак, роняя уже приготовленный третий камень.

– Я просто хотела посмотреть, – произнесла она, в замешательстве то отнимая ладонь от раны, то вновь прижимая. – Просто посмотреть и больше ничего, – глаза женщины начали стекленеть.

Я не стала задерживаться ни чтобы помочь ей, ни чтобы добить. Я ушла.

Умерла ли она? Убила ли я ее, и если – да, убийца ли я?

Случившееся между мной и той женщиной не было чем-то из ряда вон выходящим, какой бы амнезией мы все тут не страдали. Это было старо как сам старый мир, и даже старше. Первое и единственное правило заключалось в том, что вы сами отвечали за свою безопасность в той степени, в какой могли: мы защищались изо всех сил и имели на это полное право.

Однако в один вечер, через три недели после того, как нашла Борна, я утратила-таки бдительность. Банда подростков, подкравшись по мху и детритам, перехватила дверь прежде, чем та за мной закрылась. Они бесшумно пробрались по коридорам прямо к комнатам, ступая точно по моим следам и счастливо избежав всех ловушек, атак феромонов, пауков и прочего. Я ничего не заметила, все мои мысли поглощены были Борном и тем, где его обнаружу.

Вик как раз подался обслуживать дальний предел своей разваливающейся наркотической империи. А никто из моих собственных защитников вроде хищных тараканов в коридоре, пауков-бокоходов, встроенных в дверь, или доброго, проверенного временем стального лезвия не мог остановить нарушителей.

Помимо Морда, ядовитых дождей и разнообразных дефективных биотехов, несущих если не смерть, то неудобство, самой большой неприятностью в городе был молодняк. В

их глазах не осталось ничего человеческого. У них не было воспоминаний о старом мире, которые сдерживали бы их или внушали надежды. Их родители умерли, если только с ними не произошло чего похуже, и с ранних лет в среде этих детей торжествовало самое ужасное и извращенное насилие.

Их было пятеро. Четверо из них уже сменили свои глаза на зелено-золотых ос, которые, будучи вставленными в глазницы, усиливали зрение. На руках, напоминая отточенные запястья, красовались длинные когти. Чешуя на шеях вспыхивала красным при каждом вдохе. На голой спине самого низенького, сохранившего серо-голубые человеческие глаза, трепетало крылышко. Очень скоро я пожалела, что он тоже не поменял глаза на ос.

От них пахло морской солью, пылью и потом. Они поминутно облизывали губы и демонстративно поигрывали мускулами словно маленькие воители. Тогда мы еще не понимали, как вышло, что они настолько изменились, предполагая, что это было дурным влиянием Компании. Мы не могли определить источник и смысл этой новой напасти.

Я сражалась, но иногда этого недостаточно. Мало проявить агрессию и волю к сопротивлению. Если ты хочешь остаться в здравом уме, нельзя винить себя в поражении, когда тебя превзошли числом.

Все было бесполезно. Я оказалась бессильна. Несколько часов они измывались над мной всеми способами, какие только можно вообразить. Коротышка в основном смотрел, стоя у кровати и тараща огромные тускло-стальные глаза, чьи белки были не белее его бледной кожи. Все они были под наркотой, найденной, вероятно, среди токсичных отходов.

Между всхлипами, воплями и ударами, окрашивавшими простыни красным, под удовлетворенные завывания я повторяла сероглазому ребенку:

– Не смотри. Не смотри.

Хотелось верить, что этим я пытаюсь защитить его, на самом же деле, я защищала саму себя. Его – было уже поздно.

Устав от своих забав, они разломали все, что, по их мнению, не представляло ценности, затем, взобравшись друг дружке на плечи, потушили моих светлячков.

А потом они нашли Борна. Видимо, он пошевелился, привлеченный суматохой. Их интерес ко мне уже угас. Уходя, они решили забрать Борна с собой, я заметила опухшим, налившимся кровью глазом, как они его сцапали.

Именно в этот момент я взмолилась в первый раз. Я впервые поняла, как Борн для меня важен. Но молитва не помогла. Они забрали его, бросив меня в темноте, с изрезанными щеками, кровоточащими руками, ногами и лицом, некоторые раны были довольно глубоки. Моя кожа горела. И онемела. Искромсанная плоть чувствовала холод вопреки жару. У меня не было сил встать.

Город нанес мне дружеский визит, напомнив, что я значу для него меньше, чем ничего, и что Балконные Утесы отнюдь не безопасны. Что каждая нить в моей голове, связанная с защитными системами, может быть оборвана в любой момент.

* * *

Время тянулось, а я, дрожащая, без умолку вопила и визжала. Всякое самообладание исчезло, об этом позаботилась боль. Придя в очередной раз в себя, я обнаружила, что моя голова лежит на коленях Вика, и он смотрит на меня с каким-то странным выражением на лице. От волнения его кожа мерцала светло-зеленым – побочный результат симбиоза с диагностическими червями. Потом он занялся мною, и тело ощутило мягкое тепло и новую боль, грозившую поглотить без остатка.

– Прости, – тихо, словно над покойницей, произнес Вик.

Прежде я никогда не замечала жалости в его голосе, теперь же она была явственной и определенно искренней, казалось, он плакал. Эти чувства захлестнули меня и напугали, ведь сейчас мне требовалась его сила, а не смятение.

– Лежи спокойно. На время боль утихнет.

Но мне все равно было больно. Да, боль утихла, однако я продолжала ее ощущать. Чтобы не нервировать Вика, я кивнула, глядя на него как сквозь туман. По счастью, я все еще могла видеть точенные черты его прекрасного лица. Это все еще было важно для меня.

Вик запустил на мое тело диагност-жука. Старенького, с поцарапанным панцирем, но его лапки сохранили гладкость и блеск. Там, где они касались моей кожи, я ощущала мгновенное, быстро угасающее тепло. Хирургические слизни уже затянули мои раны. Вспомнилась приятная прохлада, которой сопровождалась их работа, когда я поранилась в последний раз. Подростки имели творческую жилку и порезали меня не абы как, а разрисовали узорами и словами, не имевшими смысла ни для кого, и меньше всего – для самих художников. Слизни двигались точно по этим линиям, тем самым придавая им смысл.

– Я бы тебя обнял, – откуда-то издалека донесся голос Вика, – боюсь только причинить боль.

Тут я вспомнила, что они забрали Борна, и хотела уже попросить Вика... Но о чем? Бежать за ними вдогонку? Упреждая, Вик посоветовал мне не пытаться говорить, добавив:

– Прости, что меня здесь не было. Прости, что они сюда пролезли.

Мы с ним находились в различных обстоятельствах и беспокоились о разном.

– Насколько тяжело они тебя поранили? – спросил Вик особенным тоном.

Я поняла, о чем он. Вопрос был медицинским, но касался отнюдь не медицины. Вик воссоздал в воображении всю картину нападения, определив худшее, и теперь ему требовалось понять, насколько инвазивной должна быть диагностика.

– Все на поверхности, – ответила я, и он заметно расслабился, что почему-то меня огорчило.

Нападавшие оказались недоразвиты или нечеловечески холодны, чтобы изнасиловать. Самому старшему из них, сероглазому, было лет одиннадцать. Дитя с пшеничными волосами и изящными кистями рук. Я не обязана была рассказывать Вику всю правду, даже если бы они меня изнасиловали. Но они действительно этого не сделали. Двое из осиноглазых, калеча меня, совали свои языки мне в рот, но, вернее всего, просто пытались чем-то заразить. Я чувствовала еще привкус металла на языке.

И тогда я заплакала. Слезы ручьями потекли по лицу, остававшемуся совершенно безучастным. Не так уж много ты можешь вытерпеть, прежде чем почувствуешь, что все усилия напрасны. Лучше бы на меня напали на улице, и я бы сейчас валялась в подворотне, чем тут, в самом сердце Балконных Утесов, облитая его покаянием, жалостью и заботой. Ощущать на себе его взгляды, тогда как все, чего мне хотелось, это заползти в самую темную нору и либо уже сдохнуть, либо оправиться от ран.

Однако я не стала мешать Вику делать его работу и, как могла, рассказала, что именно тут произошло, передавая информацию о тонких местах в нашей защите. Я выжила и по прошлому опыту знала, что со временем воспоминания потускнеют. Это позволяло мечтать, что когда-нибудь мы освободимся. Освободимся от города, от Морда, от всего на свете. Можно ли было считать это надеждой? Или всего лишь инерцией упрямства?

– А еще они забрали Борна, – добавила я немного погодя, не уверенная, что ясно выговариваю слова.

Мне требовалось время, чтобы примириться с мыслью о потере, иначе можно было сорваться. Вик, сидевший в кресле у моей кровати, нахмурился.

– Ничего подобного, – он кивнул в сторону гостиной. – Вон он, твой Борн.

Сквозь болезненное оцепенение и ощущение бегающих по телу жучиных лапок я почувствовала облегчение пополам с изумлением.

– То есть они его вернули?

– Сомневаюсь. Он торчал в коридоре перед дверью. Рядом никого не было. Я занес его обратно.

– Спасибо, – поблагодарила я, понимая, что это решение далось ему нелегко.

– А он попрос, – добавил Вик.

Я ничего не ответила. Не осмелилась. Впервые Вик выглядел обеспокоенным из-за чего-то, что, очевидно, не было напрямую связано со мной. Последние две недели я успешно скрывала Борна от него.

Жук наконец закончил свою работу. Вик поднялся на ноги.

– Тебе надо отдохнуть. Принесу с кухни чего-нибудь перекусить. Я пока усилил нашу защиту. А потом мне нужно ненадолго выйти, скоро вернусь.

Я понимала. Ему требовалось убедиться, что напавшие действительно убралась восвояси. Вику пришлось сменить замки, чтобы быть уверенным в надежности дверей. А это означало непредвиденное сокращение наших и без того невеликих ресурсов, что в свою очередь ставило нас под угрозу.

Жгучая, жалящая, режущая мука не должна была возвращаться еще несколько часов, теперь она словно отстояла от меня на многие световые годы. Я коснулась щеки Вика, уголка его губ, но мысленно он был уже далеко отсюда.

– Я должен был быть здесь, – повторил он.

– Если бы ты не вернулся, я бы умерла.

Ничего успокоительного в моих словах не было. Если город захочет меня убить, он меня убьет, как убил уже многих.

– Прихватчу Борна с собой, – добавил Вик нарочито небрежно.

– Нет. Ну, пожалуйста, – сморщилась я.

Если бы я закричала или возразила таким же небрежным тоном, наверное, ему было бы проще. Но я не кричала. Произнесла эти три слова тоненьким, ломким голоском, и Вик тут же сдался.

* * *

Вскоре после его ухода я поняла, что не смогу уснуть и надумала встать. Было больно, но мне не лежалось, я как-то не привыкла валяться в постели. И еще мне хотелось увидеть Борна. Я плохо соображала и боялась, что похитители могли его повредить. А может быть, желала убедиться, что Вик все-таки не забрал его с собой.

Борн, слабо мерцающая золотисто-зеленым, находился на стуле в кухне. Вик успел восстановить не всех моих светлячков, и я могла видеть только свечение Борна. За последние несколько часов он вырос по крайней мере на полфута, а его основание стало толще. Теперь, стоя на стуле, он доставал мне до плеча. Никаких повреждений я на нем не заметила, он оставался идеально симметричен. Он впечатлял.

– Это просто я, – произнес Борн.

Я взвизгнула и отшатнулась, судорожно пытаюсь нащупать какое-нибудь оружие: палку, нож, все, что угодно. Голос звучал точь-в-точь как скрипучий басок того сероглазого мальчишки.

– Просто я. Борн.

«Просто я».

Черви, запущенные в мое тело Виком, заездили, впрыскивая наркотики, чтобы меня успокоить. Меня трясло. Я издавала нечленораздельные звуки.

– Это просто я, – повторил Борн, будто пробуя слова на вкус.

Я пятилась, пока не уперлась спиной в стену. На сей раз голос прозвучал не как голос сероглазого, а теплее и восторженнее. Стал таким, какой я впоследствии привыкла считать его обычным голосом, хотя Борн мог подражать кому угодно.

– Рахиль, – сказал Борн. – Не надо. Пугаться.

От голоса сероглазого мальчишки не осталось ничего.

– Не указывай мне! – закричала я. – Что ты вообще такое?

Он начал спускаться со стула.

– Не приближайся! Стой, где стоишь! – Я точно пыталась словами заполнить пространство между нами.

– Иди отдыхай, – голос Борна вклинился между моими судорожными воплями. – Пожалуйста, успокойся. Не волнуйся. Поспи.

Борн тщательно обдумывал каждое слово, прежде чем использовать то или другое, видимо не зная, как их правильно сочетать.

– Поспать? – фыркнула я. – Как я теперь усну? Ты же со мной говорил!

– Я – Борн, – произнесло нечто, стоявшее передо мной. – Я говорю, говорю и говорю.

Сейчас речь Борна стала похожа на сладкозвучное бормотание, напомнившее о наших играх в прятки в последние несколько недель. Но откуда исходила эта речь? У Борна не было ни лица, ни настоящего рта.

– Это сон?

– Сон? – переспросил он.

– Как ты ушел от них?

– Них?

– Да, от них. От детей, которые на меня напали.

– Детей. На меня напали.

Затем, против моей воли, перед глазами у меня все поплыло: заработали крохотные биотехи в моем теле. Я попыталась сопротивляться, чувствуя, что сползаю вниз по стене, пока не уселась на задницу. Черви, похоже, тоже решили, что мне пора спать. Окружающее сделалось расплывчатым и смутным.

Через какое-то время я различила силуэт Борна, нависшего надо мной, и почувствовала, как по моим венам ползают черви. Вот я на кровати. Вот я на полу. Вот в гостиной. Бодрствую. Сплю. Нахожусь между сном и явью. В горячечном бреде никак не могу понять, приснился ли мне кошмар или все только начинается. Все воспоминания о прошлом, которое я пыталась забыть, всплыли на поверхность, а рядом стоит Борн, стоит и слушает. Я все ему рассказала. Даже такое, в чем не признавалась самой себе. То, что всегда хранилось под спудом и над чем у меня не было власти.

Тогда я не могла этого знать, но то, что я доверилась Борну, вероятно, спасло мне жизнь.

Кто я и откуда

Прежде все было иначе. Прежде у людей были дома, родители и школы. Города помещались в государствах, а в тех государствах имелись правительства. Люди путешествовали ради приключений и отдыха, а не ради выживания. Но к тому времени, когда я выросла, первоначальный смысл этих слов сделался дурной шуткой. Незаметно для нас скольжение стало свободным падением, а свободное падение закончилось адом, в котором мы варились как призраки в мире с привидениями.

Прежде, когда мне было лет восемь или девять, я хотела стать писательницей, во всяком случае, не беженкой. И не траппером. Не мусорщицей. Не убийцей. Мои тетрадки заполняла нескончаемая писанина. Стихи о том, как сильно я люблю море. Собственные переложения сказок. А также сцены из романов, которые я так и не закончила и уже не закончу. Борн вполне мог быть героем тех детских фантазий. Моим воображаемым другом.

Наверное, именно поэтому я и рассказала ему о своем прошлом даже то, что никогда не рассказывала Вику, так же как Вик не говорил со мной о картинке из телескопа, тайной истории города и биотехах-наутилусах. Хотя не исключено, в тот момент я готова была раскрыться перед кем угодно.

* * *

Я родилась на острове, который был уничтожен не войной или болезнью, а морем. Мой отец был политиком, членом совета, управлявшего крупнейшим островом архипелага. В свободное время он любил рыбачить и мастерить всякие штуки. Коллекционировал старинные морские карты и отыскивал в них ошибки. У него была лодка «Черепаший панцирь», которую он построил сам. Познакомившись с моей мамой, он часто приглашал ее на «плавающий пикник», увозя чуть ли не за горизонт.

– Должно быть, я ему доверяла, – поясняла мать, рассказывая мне эту историю. – Сильно доверяла, раз позволяла уплывать бог знает куда.

Моя мать тоже родилась на острове, однако ее предки приплыли сюда издалека, с самого материка. Когда мать с отцом поженились, вышел большой скандал: такого брака еще никогда здесь не случалось. Именно из-за того скандала я и получила свое имя, Рахиль: оно не принадлежало ни одному, ни другому роду. Являлось компромиссом.

Мама была детским врачом. Она легко улыбалась и смеялась, может быть, слишком легко, поскольку смеялась, даже когда волновалась или огорчалась. Я часто замечала, как отец внимательно смотрит на нее, очевидно пытаясь понять разницу. Мама обожала пряную кухню своих предков и любила клеить модельки кораблей. Она вечно подсмеивалась над моим отцом, который использовал ее модельки для строительства настоящих лодок. Делал полноразмерные образцы из зубочисток. Оба они любили читать, и я росла в окружении книг.

У нас было все, что нам хотелось, и даже больше. Мы хорошо знали, кто мы такие. Но поднимающегося моря нам было не остановить, окрестные островки, один за другим, исчезали в пучине. Прежде, стоя ночью на берегу, мы могли видеть их огни в подзорную трубу, а потом огни пропали. Что произошло, нам было прекрасно известно, но после этого мы убрали подзорную трубу подальше.

Когда мне исполнилось шесть, мы покинули остров, став беженцами. Я помню эту историю потому, что родители рассказали ее мне, когда я подросла. Они продолжали рассказывать мне истории, несмотря на то, что мы оставались беженцами, перебирающимися

из лагеря в лагерь, из страны в страну, в попытке обогнать распадающийся мир. Вот только мир разваливался сразу везде.

Я мало что помнила о лагерях. Всепроникающая грязь, превращавшаяся в слякотную хлябь под ногами тысяч людей. Плотные тучи комаров, из-за которых приходилось всегда держать рот на замке. Невыносимая жара, сменявшаяся невыносимым же холодом. И повсеместная тенденция устраивать заборы и сторожевых собак куда лучше, чем тенты для беженцев. Новые бумаги, о которых нужно было хлопотать, старые бумаги, которых вечно оказывалось недостаточно. Помнила, как нам скармливали отходы производства биотехов, как перестали работать сотовые телефоны и все такое прочее. Постоянную пустоту и непреходящий голод. То, как постоянно простужалась и температурила. Людей снаружи и охранников, которые были такими же, как мы, и я не понимала, почему они – снаружи, а мы – внутри.

Но я не забыла и то, как смеялись родители, показывая мне вещи, напоминавшие о доме. К тому времени я достаточно повзрослела, чтобы понять их ценность. Альбом с фотографиями, церемониальную чашу, которую отец захотел забрать во что бы то ни стало, украшения матери, собственноручно сделанные ею. Каждый раз, когда мы снимались с места и переезжали, начиная все с нуля, отец тут же принимался за дело: ставил палатку, заборчик, разбивал огорожок. Мама, внося свою лепту, лечила больных, хотя страны, в которых мы жили, не признавали ее диплом. Было ли это самоотверженностью? Они боролись за свою жизнь, за сохранение своих личностей. Так что, пожалуй, самоотверженностью тут не пахло, но пользу людям приносило.

Должно быть, мой отец держался таким бодрячком ради нас с матерью. Ведь она могла когда-нибудь вернуться на родину предков. Он – нет. Даже людей с нашего острова мы почти не встречали. Истории, которые отец мне рассказывал, по мере их повторения казались все более скучными, хотя теперь я понимаю, что он просто пытался проложить курс к исчезнувшему острову, используя компас своих воспоминаний.

Несмотря ни на что, родители не забывали о моем образовании. Не о школярских знаниях, а о том, что мне действительно бы пригодилось: за что стоит держаться, а от чего – избавляться, за что сражаться, а что – выбросить. А еще – о ловушках.

Однажды мы отыскиали место, где наконец обрели покой. Отец привез нас на другой остров. Не такой, каким был наш, даже близко не такой, но то ли от ощущения собственной ненужности, то ли набравшись смелости, отец решил воссоздать прежнюю жизнь. Так мы провели два прекрасных года. Город, в котором можно было жить, пляж для прогулок, ботанический сад, школа, игры с детьми, похожими на меня. Мы обитали в крохотном двухкомнатном домишке, на заднем дворе которого папа построил веселое каноэ с мотором-франкенштейном из деталей, собранных, что называется, с миру по нитке. Мама же стала лечить людей за еду и всякие нужные вещи.

Время от времени до нас доходили новости с материка, из которых следовало, что дела идут все хуже. Мои родители скрывали от меня это сколько могли. До тех пор, когда в один прекрасный день нас не окружили солдаты и не переправили на переполненных паромов в очередной лагерь на материке. Позади остались зеленовато-голубая вода, отцовская лодка и наш домик.

Жизнь неуклонно катилась под откос, все ниже и ниже, пока наконец не осталось даже лагерей. Одни только беженцы, бредущие по земле в поисках уголков, где еще сохранялось разделение на здравомыслие и безумие. На доброту и жестокость, которые зачастую берут начало из одного и того же источника. Отец носил в ботинке нож и по очереди с матерью небольшой револьвер. Нам могли с одинаковой вероятностью встретиться как обгоревшие, слегка закиданные землей трупы в канаве, так и вполне живой фермер с сыновьями, вооруженными дробовиками. А однажды улыбчивый мужчина зазвал нас в свой дом и попытался

изнасиловать мать. После чего у моего отца появился шрам на левой руке, и мы отныне старались держаться подальше от больших дорог.

Мы предпочли голод отчаявшимся толпам, медленно влачившим себя навстречу миражам. Проселочные дороги, которыми мы пробирались, постепенно обратились в серых змей, извивавшихся во мраке лесных зарослей. Далекие огни городов или одиноких хижин вызывали у нас страх, впоследствии сменившийся осторожностью. Так или иначе, мы предпочитали обходить их стороной.

Через несколько месяцев после того, как надежда обрести приют окончательно покинула нас, на холме впереди показался удивительный город, в сумерках напоминающий огромную хрустальную люстру, опустившуюся с неба, или океанский лайнер, выброшенный на берег. Не в силах отвести глаз я принялась умолять родителей отправиться туда. Они меня не послушали и были правы. Город оставался на нашем горизонте еще восемь дней. А на девятую ночь его восточная часть, продолжавшая манить нас из-за лесов и равнин, загорелась, и все эти сверкающие огни поглотил огромный пожар, чье зарево разгоняло темноту на многие мили вокруг.

По небу проплыли подмаргивающие сигнальные огоньки бомбардировщиков, улетающих прочь, и мы стояли, удивленно задрав головы. Прошло уже много лет с тех пор, как в небе пролетал хоть какой-нибудь самолет. Они казались нам одновременно знакомыми и незнакомыми. Мы задались даже вопросом, не означают ли эти самолеты возрождения нормальной жизни? Но это было всего лишь очередным миражом. Ничего они не означали.

Мы поспешили на восток, страшась нового исхода выживших, волна которых могла смести наше маленькое семейство, пусть эти люди ничем от нас и не отличались. В воздухе несколько дней висел густой, похожий на пыль, черный дым, затем прибитый нечистым дождем. И тогда из земли полезли извивающиеся черви, кролики и другие умирающие животные.

Совсем скоро мы начали вспоминать те дни с сожалением. Но тогда мои родители еще не утратили надежду отыскать безопасное место. Они не сдавались. Они так и не сдались. Я это точно знаю, хотя они умерли.

Много чего еще я поведала Борну, однако не могу теперь заставить себя все это изложить на бумаге, трудно подобрать нужные слова. Речь о том, чего я не могу вспомнить, а именно как я пришла в этот город и что случилось с моими родителями. Мои последние воспоминания, восходящие к «догородской» жизни, касаются наводнений, плотов, связанных из чего попало, и расползающегося молчания людей – мертвых или умирающих в воде. И еще полоски земли на горизонте. Мои последние воспоминания – это погружение все глубже под воду и легкие, полные ила.

А потом я очнулась в городе. Шла по берегу реки, как будто делала так всегда.

Одна.

Что я сделала после, хотя, возможно, это и было неправильно

Если взглянуть на мою комнату свежим взглядом, в глаза бросится отсутствие водопровода, плесень, ведущая войну с созвездиями светлячков на потолке, полуобвалившаяся стена с окном, выходящим на гору мусора... Несмотря на все это, а также на уличные сцены, когда один измученный грязнуля дерется с другим, таким же измученным грязнулей, за остатки, которые старый мир счел бы ненужной дрянью... так вот, несмотря на все это, я упорно продолжала фантазировать о том, как вернуть всякие приятные нам в прошлом мелочи.

– Это просто я, – сказал Борн.

Довольно долго я ему не отвечала, свернувшись на кровати калачиком и пытаюсь хоть как-то оклематься. Вернее, отвечала, но это сложно было назвать ответом. Выплевывала в забытии бессвязные слова. Иногда рядом с Борном появлялся Вик – и тут же опять исчезал. Порой я чувствовала, как он меня обнимает. Порой замечала его виноватый и вроде бы подозрительный взгляд.

Он подозревал что-то насчет Борна? Со времени нападения Борн изменился еще сильнее. Теперь он уже не напоминал морского анемона. Скорее, напольную вазу или кальмара, балансирующего на приплюснутой мантии. Отверстие на верхушке вывернулось краями наружу, вытянувшись вверх и образовав что-то вроде длинной шеи. Тонкие, похожие на перья нити вокруг «рта» казались почти неестественными. С долгим, едва слышным вздохом они собирались в пучок, потом раздвигались, как странные пловцы-синхронисты. Борн вырос настолько, что на добрых два фута возвышался над кроватью. Его тело продолжало мерцать, цветные пятна плавали по поверхности словно обрывки слоистых туч: лазурь, лаванда, изумруд. Обычно от него пахло ванилью.

Я лежала на боку и наблюдала за ним, полуиспуганно, полулюбопытствуя. Борн обзавелся целой коллекцией глаз, расположенных по окружности тела. Каждый такой глазок был совершенно не похож на остальные. Одни были человеческими – голубыми, черными, карими и зелеными, другие – звериными. И всеми он определенно видел. Эти глаза меня смущали, я не могла понять, что они значат. Я решила считать их необычным украшением, чем-то вроде пояска.

Заметив, что я на него смотрю, Борн издавал робкое покашливание и прятал лишние глазки, оставляя одну пару и помещая ее повыше. Иногда они, наоборот, опускались ниже, к «бедрам», но с самого начала, всегда имели голубой цвет и длинные ресницы, хотя увеличились в размерах и двигались независимо друг от друга.

Наверное, Борн думал, что таким образом выглядит человечнее.

* * *

На шестой день я почувствовала, что прихожу в себя, проснувшись всего лишь с легким головокружением. Вик снова куда-то ушел, упрямо не желая отказываться от своего бизнеса. Моих обидчиков он так и не нашел, и я подозревала, не найдет никогда. Мы больше с ним не говорили о случившемся. Другое дело, мы вообще мало говорили. Когда он ко мне приходил, я притворялась спящей. Моих сил хватало только на Борна.

Лежа в постели, я задала ему вопрос. Один-единственный, острый вопрос, напрямую связанный с моим опасным расположением духа. Я все еще «сидела» на фарм-червях и хотела быть чем-то полезной, а не валяться бревном.

– Скажи, что ты такое?

Мое сердце забилося, но нельзя сказать, чтобы я очень боялась.

– Не знаю, – хриловато, но мелодично ответил Борн, и мне вдруг померещилось, что он заговорил голосами сразу обоих моих родителей. – А сама ты знаешь, что ты такое? – добавил он.

– Давай сыграем в игру и попробуем кое-что выяснить, – предложила я, проигнорировав его вопрос.

Несколько секунд Борн молчал, «пригасив» свои краски. Затем вновь вспыхнул.

– О'кей, – согласился он. – О'кей!

– Но ты должен быть честен со мной.

– Чес-тен, – Борн прокручивал слово в голове.

– Это значит – говорить правду.

– Честен, – по его коже пробежала яркая пурпурная рябь. – Я могу быть честен. Я честен. Честен.

Я то ли огорчила его, то ли вызвала какие-то иные эмоции, но вернее всего, он просто пробовал новое слово на вкус.

– Ты уже много обо мне знаешь, – рискнула начать я. – А я о тебе не знаю ничего. Это будет игра в вопросы и ответы. Готов ответить на несколько вопросов?

– Я отвечу на вопросы, – неуверенно проговорил Борн, и мне стало интересно, понимает ли он значение слова «вопрос».

– Ты – машина? – спросила я.

– Что такое машина?

– Вещь. Вещь, сделанная людьми.

Похоже, вопрос поставил Борна в тупик, он надолго задумался, потом уточнил:

– Ты тоже вещь. Тебя сделали двое людей.

– Я имела в виду предмет из металла, или плоти, или из того и другого сразу. Но полученный не естественным биологическим путем.

– Тебя сделали двое людей. Ты состоишь из плоти, – Борн казался взволнованным.

– Почему ты меня тогда не выручил?

– Выручил?

– Не спас от тех пацанов. Не помог. Не остановил их, когда они причиняли мне боль.

Наступила долгая пауза. Борн ушел в себя, превратившись в серый силуэт. Даже глазки исчезли. Затем цвета разом вернулись, полыхнув розово-красным, вскипев зелеными вихрями. Вокруг отверстия вылупились и захороводились глаза.

– Но я же помог! Помог! Я помог Рахиль. Я помог, – повторял он в расстройстве.

– Мальчишки мучили меня несколько часов, – рявкнула я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал, и, слава Морду, мне это удалось. – Они надо мной измывались, а ты бездействовал. Они причиняли мне сильную боль. Тогда как ты мог бы что-нибудь предпринять.

Снова молчание, потом – тихий шепот:

– Я не мог. Не мог. Помочь. Прежде.

– Прежде чем что?

– Прежде, чем узнал их.

Судя по тону, слово «узнал» было не тем, которое ему требовалось. Наверное, нужного слова просто не существовало в его лексиконе, и он вкладывал в то, что было, двойной, а то и тройной смысл.

– И как ты их узнал?

– Я не завершен, – сказал Борн. – Я был не завершен. Я не завершен.

Борн попытался компилировать слова, но это не помогло, и фраза скомкалась, из-за чего его перистые псевдоподии напряглись, сделавшись похожими на шипы.

– А теперь – завершен? И осведомлен? – Мне хотелось избежать пугающего слова «активирован».

– Более завершен.

– Ты их убил, – спокойно сказала я, заорав про себя: «Но только после того, как они вдоволь наиздевались надо мной!»

– Убил?

– Прервал их существование. Сделал неживыми. Мертвыми. Их больше нет.

– Я их узнал, – недоуменно пробормотал Борн. – Я узнал их.

– Убивать нехорошо. Больше никаких убийств. Не убивай.

Если только на тебя не нападут. Если тебя не вынудят. Мне не хотелось объяснять Борну различия, – сил на это у меня сейчас не было.

Теперь его глаза утратили красоту. Они казались опасными ловушками. Серый глаз выглядел знакомо, или мое воображение сыграло со мной злую шутку? Я резко отвернулась и опять провалилась в беспамятство. Лучше уж оно, чем необходимость обдумывать слова Борна.

И все же, почему я отвернулась, ведь я не чувствовала себя в безопасности?

* * *

На седьмую ночь я спала у Вика, а высоко над нами спал Морд, растянувшись на суглинке и мусорных кучах, покрывавших Балконные Утесы. Его дыхание, словно бесплотная глубинная бомба, проникало сквозь потолки, балки, штукатурку, несущие колонны и потрескавшиеся арки, заставляя вибрировать каждый атом дюжины перекрытий над нашими головами. Мы воспринимали этот звук не столько ушами, сколько кожей и всем телом.

До нас доходил и зловонный душок, сочившийся через вентиляционные трубы, тысячи трещинок в почве и ходы, проделанные червями и жуками. Этот запах, как гром после молнии, пришел позже и сдавил горло. Вонь живых существ, убитых Мордом за последние дни. Чувал ли он нас внизу, глубоко под собой? Может быть, принимал нас за мышей? Маленьких человеческих мышек?

Вик лежал неподвижно, в страхе, что это не случайно, и Морд знает, что он, Вик, здесь, потому и явился сюда этим утром, что хочет нас извести. Какое-то время мы только перешептывались, двигаясь нарочито медленно, словно были подводными лодками, а Морд – рысущим вокруг миноносцем. Шепча, Вик плотно прижимал губы к моему уху. Ему не терпелось передать мне слухи о Мордовых последышах, шастающих по городу в поисках... Чего? Вик не сказал этого, но у меня сложилось такое чувство, что он в курсе.

Потом, когда Морд начал стонать во сне, Вик окончательно умолк. Стоны, похожие на зубовой скрежет, проникая сквозь почву, заглушали наши слова. Мы ничего не могли понять. Кроме одного: в столах звучало страдание.

Через несколько часов мы почувствовали, что Морд исчез. Казалось, сами Балконные Утесы облегченно распрямились. Утром мы обследовали Мордову лежку – глубокую впадину, продавленную весом медведя. Если бы Морд решил провести здесь всю ночь, не провалился бы он вниз, пробив, одно за другим, все перекрытия, и не рухнул бы, спящий, прямо на нас? Его вонь оставалась еще день-два, и всякий раз, унюхав ее, я чувствовала себя в замешательстве.

Я ночевала у Вика для того, чтобы он сам не заявился ко мне и не увидел Борна, но именно о Борне Вик и заговорил, когда Морд ушел. Я уже почти пожалела, что медведь ушел, тогда бы Вик продолжал молчать.

– Я все еще могу забрать его, – предложил он.

– Кого? – Я сделала вид, что не понимаю.

- Борна. Сейчас самое время. Заберу его и все выясню. А ты пока выздоравливай.
- Не стоит.

Он замялся, похоже, размышляя, не признаться ли в чем, но потом вроде бы смирился с моим решением. Обнял покрепче, словно я была его щитом против Морда, и вскоре тихонько засопел мне в плечо. Я не отстранилась, хотя было больно. Боль явилась ценой согласия. Так было проще. И лучше для нас обоих.

Но уснуть не получалось. Я думала о безумных беседах, которые вела с Борном. Его знания об окружающем мире были отрывочны и плохо стыковались между собой. Вот, например:

Борн: «Почему вода влажная?»

Я: «Не знаю. Потому, что не сухая?»

Борн: «Если что-то сухое, значит, оно не важное?»

Я: «Важное или влажное?»

Борн: «Важное».

Я: «Важность, она в глазах смотрящего».

Борн: «Как это?»

Пытаюсь объяснить ему значение слова «важный».

Борн: «Важность преходяща, как сыпучий песок? Важничать – это пускать пыль в глаза?»

Я: «Ага, сухую пыль».

Борн: «Хочу пить. И есть. Я голоден-голоден-голоден».

Беседа прерывается поисками перекуса для Борна, что, в общем-то, не трудно. Больше всего ему нравится так называемая «нездоровая еда», она же – «съедобный мусор», хотя эти выражения давным-давно утратили свой изначальный смысл.

Может быть, мне так понравился Борн потому, что Вик был всегда ужасно серьезен? Борн еще очень долго не знал, что значит «серьезность».

Утром, когда Морд с его тяжестью сделался дурным сном, Вик вновь завел свою шарманку.

– Я постараюсь сделать все как можно осторожнее, – неуверенно настаивал он. – И верну его тебе в целости и сохранности.

– Нет.

– В принципе, можно было и не спрашивать, – он тяжело привалился к моей спине. – Ты и сама знаешь, что это надо сделать.

– Не надо.

– Рахиль, ты же понимаешь, что неправа! – Вик уже почти кричал.

Как и большинство мужчин, он, боясь чего-то, выплескивал свой гнев на что-то другое. Я промолчала.

– Отдай мне Борна, – не отставал Вик.

Я даже не шевельнулась.

– Ты обязана отдать его мне, нам нужно знать, что он такое. Он живет здесь, с нами, и ты защищаешь его как наседка цыпленка. А сама даже ничего о нем не знаешь.

– Нет.

– Он вполне мог повлиять на тебя с помощью биохимии. Возможно, ты думаешь уже не своей головой.

В ответ я лишь расхохоталась, хотя его слова могли оказаться правдой.

– Рахиль, ты не имеешь права, – произнес Вик, обиженно подчеркнув это самое «право».

– Лучше Расскажи-ка мне о своей работе в Компании, – я уже устала от этого разговора, просто устала. – И не забудь и о своем жутком телескопчике.

Разумеется, о телескопе он ничего не сказал. Нечего ему было говорить, а мне и подавно. Мы оба понимали, что еще одно слово, и либо я уйду из его постели, либо он сам меня выпроводит.

Вик. Вик и Рахиль. Наш портрет: Вик и я – на противоположных краях картины, наполовину вне ее. Мы до странности настороженно относимся друг к другу. Несмотря на всю свою заботу, Вик, наверное, ожидал от меня большего чувства вины, что оправдало бы его собственную. Я же, вероятно, винила Вика в том, что он сделал меня зависимой от его сведений, от его жучков-паучков, за то, что отвыкла полагаться только на собственные ловушки и стала слабой.

Справедливо ли? Нет. Я сама была виновата: утаила от него секрет поважнее.

Борн мог разговаривать. Борн убил моих мучителей и куда-то подевал их тела. Борн – разумен. Борн сделал меня счастливой.

Чему я научила Борна, и чему Борн научил меня

Борн сделал меня счастливой, но ума счастье не прибавляет. Выздоровливая, я с трудом вспоминала, что ждет меня снаружи, как будто, несмотря на огромный опыт, должна была учиться всему заново.

В голову закрадывались разнообразные бредовые, опасные идеи, вроде как маленькие лисички и иные пустынные зверушки, поселившиеся в моем разуме. Они тявкали, бегали вокруг, поднимая пыль и останавливаясь только затем, чтобы взглянуть на меня издалека, приглашая побегать вместе. Я вообразила, что живу в настоящей квартире в одном из надежных приютов моего прошлого. И все будет хорошо, я просто подхватила грипп или ангину, долго болела, а теперь мне становится лучше... Что я буду делать, когда станет совсем хорошо? Вернусь в университет или на свою необременительную работу. Получу диплом и стану писательницей. Разрушенный город – это всего лишь плохой сон, и раскопки мусора – плохой сон, скоро я проснусь, видения смерти родителей, того, как я чуть не утонула, и всего, что случилось после, развеются как морок.

Чем сильнее Вик пытался меня оградить, тем больше подобных идей возникало в моей голове. Они очень слабо были связаны с воспоминаниями о перелете, попытках найти убежище и опасностях города.

Человеческий разум любыми способами пытается себя защитить, возводя крепостные стены, и некоторые из этих крепостей становятся ловушками.

Даже когда я начала потихоньку ходить по комнатам вместе с Борном. И когда отважилась выйти в коридор. Фантазия была столь эфемерной, что я старалась поскорее проشمыгнуть мимо призраков с того света, которые могли бы ее развенчать. Стула, застрявшего в стене. Проржавевшего канцелярского шкафа, используемого не для хранения документов, а для перегораживания зева туннеля. Отсутствия книжных полок и других людей.

И все же, благодаря Борну, эти недели затворничества стали для меня одними из самых запоминающихся. Вик вечно где-то пропадал, отслеживая действия Морокуньи и снабжая жуками свою небольшую команду дилеров... А может быть, и из-за нашей ссоры.

Мы с Борном оказались предоставлены самим себе. Борн тоже засиделся дома. Когда мне становилось известно, что Вика не будет несколько часов, я брала Борна с собой в коридоры, то и дело покрываясь мурашками от страха и напрягаясь из-за боли в медленно заживающих ранах.

В то время игра в сокрытие способности Борна разговаривать шла вовсю. Вик должен был узнать. Но поскольку я ни в чем не признавалась, а он не спрашивал, Борн превратился в секрет полишинеля, встрявший между нами, будто огромный клин. Я сделалась дерзкой, тем самым вынуждая Вика играть со мной в открытую. Мне казалось, что если он не откроется, наши отношения превратятся в одну сплошную ложь.

Не обращая внимания на мою телесную немощь, мы с Борном носились по сумрачным пыльным коридорам. Борн боялся налететь на стену и запутаться в собственных щупальцах и завывал сквозь смех: «Ты бежишь ооооочень быстро!» Или: «Почему это так весело-оооо?» Я тоже принималась хохотать. Если бежишь просто так, а не потому, что должен, бег становится на удивление приятной штукой.

Наконец, мы повалились на пол у дальней стены. Я позволила Борну охотиться на ящериц и крыс, так что своеобразные жалобы на голод и предложения срочно перекусить поуменьшились, зато добавились многочисленные вопросы. Он вообще задавал их непрерывно, алча ответов.

– Пыль очень сухая. Почему пыль такая сухая? Не надо ли добавить воды для равновесия?

- Тогда получится грязь.
- Что такое грязь?
- Влажная земля.
- Я еще никогда не видел грязи.
- Да, не видел. Пока не видел.

Когда я показала ему фотографию ласки в одной старой энциклопедии, он ткнул в нее щупальцем и сказал:

- Ооооо! Длинномышь!

Это навело меня на мысль научить Борна читать, вот только он додумался до этого сам. Когда мы играли в прятки, я иногда обнаруживала его согнувшимся над грудой брошенных книг, а из его головы свисало щупальце с огоньком на конце.

Он с одинаковой охотой читал любые тексты, при этом его многочисленные глаза бегали туда-сюда по страницам книги, поставленным на пюпитр. Я очень сомневалась, что для чтения ему в самом деле требуются глаза или свет, однако делая что-либо, он любил подражать мне. Может быть, думал, что с его стороны будет невежливым читать в темноте, да еще и без глаз.

Правда заключалась в том, что я не знала, ни о чем он думает, ни каким образом, только отвечала на его бесконечные вопросы.

Как-то я показала ему «лабораторный» бассейн Вика. Я любила этот бассейн; наверное, это означало, что я любила и самого Вика. В потолке над бассейном имелся световой колодец, ведущий к самой вершине Балконных Утесов. Он так и оставался в крыше, Вик только замаскировал его с помощью своих обманок.

Когда солнце стояло в зените, свет падал в бассейн золотисто-зелеными волнами, как будто мох и лишайники, росшие наверху, смешиваясь с солнечными лучами, превращались во что-то совершенно новое. Свет этот переливался на живых нитях, с которыми работал Вик, и можно было видеть плавающие пылинки, случайного водяного жука или бабочку, а также парок над водой, завивающийся колечками, как побеги папоротника.

Следовало только привыкнуть к запаху химикатов, добавлявшему влажному воздуху пряную нотку. Не важно, чем они отдавали, сладостью или кислотой, их запах всегда был острым. По утрам Вику требовался свет, чтобы кормить свое густое, разбухающее и мерцающее варево и получить из него несколько жуков или еще что-нибудь. Наше дерьмо и моча также служили «пищей» бульону, но основной запах давали водоросли, торф и кое-какие реагенты. Я давно привыкла к нему и даже находила приятным.

В трясине бассейна извивались угреподобные твари, поверхность рассекали плавники невиданных рыб, чтобы снова уйти в глубину.

- Что такое плавательный бассейн? – спросил Борн.

- Это место, где люди... плавают.

– Но он полон отвратительных вещей! Отвратительные вещи живут в нем. Совершенно отвратительные. В самом деле отвратительные.

«Отвратительный» стало с недавних пор любимым словечком Борна, которое он вставлял повсеместно.

– Главное, не трогай все эти отвратительные вещи, даже если голоден, – я мягко вытащила его щупальце из воды, куда оно погрузилось уже на дюйм.

Я понятия не имела, какое действие окажут на него химикалии. Не хотелось мне, и чтобы Борн кормился Виковым сырьем, которое, чего доброго, могло бы ему прийти по вкусу.

– Плавательный бассейн – это место, полное отвратительных вещей, в которых людям нравится плавать, – подвел итог Борн.

– В общем и целом, – хихикнула я. – В реальном мире ты их почти не встретишь.

И тут же пожалела о своих словах, которыми дала Борну понять, что мирок Балконных Утесов – не реальный. Что мы живем в пузыре времени и пространства, который в любую минуту лопнет.

Выводила я его и наружу, на балкон, но с этим было сложнее, поскольку Борну для его же безопасности требовалась маскировка. Я отыскала шляпку с цветочками и побуревшим от засохшей крови пулевым отверстием. Прибавила большие «фирменные» солнечные очки. Что до одежды, выбирать пришлось между синей простыней и черным вечерним платьем, которое я раскопала в полузасыпанной квартире. Оно было изъедено молью и сильно выцвело, сделавшись, скорее, темно-серым, но я предпочла платье: во-первых, мне все равно некуда было его надевать, а во-вторых, оно оказалось велико на несколько размеров.

Борн перестроил тело, чтобы выглядеть постройнее, втянул кое-как «живот», после чего облачился в свой смешной наряд. Тем не менее сидел он на нем довольно неплохо. Только потом я сообразила, что Борн скопировал очертания своего тела с моего, и передо мною оказалось грубое зеленокожее подобие меня самой.

Однако Борн посчитал, что образ незавершен.

– Как насчет обуви? – спросил он, и я пожалела, что недавно произнесла при нем пафосный спич о важности пары крепких ботинок.

– Обувь тебе ни к чему. Никто твои ноги не увидит, – ответила я, подумав про себя, что его вообще никто не увидит.

– Обувь требуется всем, – сказал Борн, процитировав меня. – Решительно всем. Ты не разуваешься, даже когда спишь.

Это было правдой. Я так и не смогла отвыкнуть от ночевки под открытым небом. Когда спишь в каком-нибудь опасном месте, никогда не снимаешь обувь, на случай если у тебя окажется всего несколько секунд, чтобы собрать свои шмотки и удрать.

Борн без дураков захотел получить обувь. Чтобы, так сказать, закончить ансамбль. Так что я дала ему запасную пару ботинок, ту, в которых ходила в город.

Он устроил целый спектакль, отращивая себе «ногоступы» и вытягивая руки, чтобы натянуть обувь. Его кожа приобрела оттенок, похожий на мой. Из отверстия на верхушке, прикрытого шляпой, донесся приглушенный голос:

– Можно идти.

Если Борна волновал наряд, то меня – его сходство с человеком.

– Нет, пока ты не сделаешь себе рот, – ответила я. – И вообще лицо.

– Ой-ей! – воскликнул он, совершенно упустивший это обстоятельство.

В те дни он использовал это «ой-ей» всегда, когда понимал, что совершил глупость. А может быть, еще пытался потихоньку вредничать, исследуя понятие «упрямство» в полевых, как говорится, условиях, причем делая это совершенно очаровательно.

Трансформация заняла какие-то секунды. Почти все его глаза исчезли, осталась всего одна пара в нужном месте, – и, конечно же, серые! – вырос нос, похожий на головку ящерицы, которую Борн слопал несколько часов назад, и возник рот с идиотской улыбкой. И вот, передо мной стояло это великолепие – со шляпой на голове. В черном вечернем платье. И в ботинках.

Он выглядел таким серьезным, что захотелось обнять его от умиления. Мне и в голову не приходило, какой подарок я ему сделала. Просто не понимала, какой еще метод маскировки можно было применить.

Мы вышли на балкон. Борн притворился, что не видит сквозь солнечные очки и снял их. Его рот раскрылся, изобразив искренне удивленное «О».

– Это прекрасно! – провозгласил он. – Прекрасно, прекрасно, прекрасно...

Еще одно новое слово.

Действительно, гибельный пейзаж, с которым я так и не сумела свыкнуться, был прекрасен. Прежде я никогда не замечала этой красоты. В странных аквамариновых сумерках река внизу переливалась лавандой, золотом и апельсином меж бесчисленными каменными островками, поросшими причудливыми деревьями... Река была волшебна. Балконные Утесы в предвечернем свете приобрели глубокий насыщенный оттенок, почти черный... нет, почти синий... нет, цвета колеблющихся теней, густых и прохладных.

Борн не подозревал, что все это несло смерть, было отравлено и отвратительно. А может быть, для него оно не было таким? И он мог поплавать в реке и вылезти оттуда целым и невредимым? Наверное, тогда-то я и поняла, что полюбила его. Борн смотрел на мир не так, как я. Он не видел ловушек. Он заставил меня переосмыслить значение таких простых слов, как «отвратительный» и «прекрасный».

И я решила пожертвовать своей безопасностью ради чего-то иного. Именно в тот момент. Не важно, что случилось после, я перешла в новое состояние, и отныне вопрос был не в том, кому могу доверять я, а в том, кто может доверять мне.

Часть 2

Как все прошло и что случилось после

Впервые я увидела Морда сумеречным вечером за шесть лет до того, как нашла Борна. В тот день мне не попалось ничего, кроме вонючей шевелящейся груды мяса, дергающейся у приоткрытой ливневки. Ловушку я распознала с первого взгляда. Пометила место мелом, чтобы не забыть, и потопала дальше на запад, к остаткам забытого шоссе, покрытого лишайником и заваленного ржавьем вперемешку с костями: зелено-рыже-белый узор, казавшийся искусственным. Лишайники, правда, были дрянными, иначе я собрала бы немного.

Из-за высокого содержания химических реагентов в воздухе городской закат будоражил душу, даже если вы были смертельно измучены, растеряны или вам просто было не до поэзии. Оранжево-желтые слои переплавлялись в пурпурно-синие. Я проверила северное и южное направления. Никого. Набрела на выцветший шезлонг, уселась и принялась грызть отдававшие затхлым крекеры, найденные накануне. Смотрела на заходящее солнце, и мой желудок сжимался, превращаясь в болезненный ком.

Целый день я проползала в туннелях полузаброшенной промзоны. Я устала, была грязной, от меня воняло. Несмотря на все предосторожности, меня мог заметить кто угодно. И напасть. Мне это было уже безразлично. Иногда приходилось давать слабину, иначе вы рисковали позабыть, как это делается, а я уже достигла предела выносливости на этой неделе. Мясо, щедро подложенное в качестве приманки в ловушку, установленную психом, каннибалом или еще каким извращенцем, окончательно меня доконало.

Морд взмыл в небо из-за группы домов прямо передо мной. Сначала он был похож на огромный, темно-коричневый кособокий шар на фоне оранжевого солнца. На какой-то миг мне померещилось, что это – затмение или химический выброс, предвещающий скорую смерть. Однако «затмение» резво двинулось в мою сторону, закрыв собой солнце и небеса. Тогда-то я разглядела громадную косматую башку во всех подробностях.

Я не могла сдвинуться с места. Понимала, что должна бежать, и не могла. Надо было рвануть в ближайший дренажный туннель, но я не двигалась. Словно прилипла к шезлонгу, с крекером, торчащим изо рта, и смотрела, как меня накрывает тень Бегемота.

В те времена Морд был помельче и продолжал жить в здании Компании. Когда он проплывал надо мной живым дредноутом, его золотисто-коричневая шерсть выглядела шелковистой, чистенькой и пахла так, будто толпа прислужников расчесывала и холила ее с утра до ночи.

Огромные глаза были яркими, любопытными, человеческими, а не налитыми кровью, вылезшими из орбит буркалами, какими они стали позже. В идеальной белизне его клыков чувствовалась не кровавая угроза, а быстрая и чистая смерть. Он наслаждался ветерком, перебирающим его мех.

Я не в состоянии была вполне объяснить впечатление, которое Морд оказал на меня в тот момент. Величественная голова склонилась, взгляд, в котором крылось что-то вроде потаенной насмешки, скользнул по мне, от шерсти, оказавшейся всего в двух футах над моей головой, пахло жасмином... Я же смотрела, как колоссальный зверь проплывал мимо и едва сдерживалась, чтобы не протянуть руку и не погладить его.

В глубине души я никак не могла решить, сподобилась ли лицезреть сошествие бога или просто галлюцинирую от голода. В ту минуту мне хотелось обнять Морда. Зарыться в его мех. Прижаться к нему, словно он был последним нормальным существом в этом мире, даже если это будет означать мой конец.

Когда Морд миновал меня, я не оглянулась. Я испугалась. Испугалась, что он тоже оглянется с хищным взглядом. Что сама вызвала его из какой-то темной нужды, а в действительности никакого медведя не существует. Как Морд мог летать? Было ли это чудом или проклятьем? Я не знала, Вик же никогда не давал никаких объяснений. То, что Морд мог когда-то быть человеческим существом, казалось какой-то далекой-предалекой правдой из тридевятого царства. Но именно его способность летать заставляла часть горожан верить, что все мы давно умерли и находимся на том свете. То ли в чистилище, то ли в аду. Кое-кто из поклоняющихся Морду намеренно приносил себя ему в жертву, и отнюдь не сидя в шезлонге, раззявив рот с недожеванным крекером. Ведь если вы уже мертвы, какая, в сущности, разница?

Я все сидела, зажав последний крекер, на меня опускались сумерки, показались первые звезды. Только потом я начала дрожать, а заслышав приближавшиеся странные звуки, поднялась наконец и отправилась на поиски безопасного ночлега.

Спустя немного времени я встретила Вика, а потом, не без опаски, перебралась к нему в Балконные Утесы.

* * *

Пусть Борн убил тех мальчишек и я по-прежнему ничего толком о нем не знала, все же я не желала соглашаться с Виком. Разве не мог мой найденыш оказаться хорошим и достойным существом, каковы бы ни были его цели? Вот в чем заключался важнейший вопрос, постоянно звучавший во мне из темноты, пусть у меня уже имелся ответ Вика.

За несколько последних недель мне стоило огромных трудов принять Борна таким, каким он был, и я больше не воспринимала его как диковинку. Даже если он продолжал расти, став выше Вика, или принимал все новые обличья и формы, от конуса до шара, а затем вновь обращался перевернутым кальмаром.

Вик теперь почти все время проводил дома, заботясь обо мне. Следовало быть ему благодарной, вместо этого его присутствие раздражало меня все сильнее и сильнее. Когда он сидел рядом, Борну приходилось вести себя бездвижно, безгласно и безглазно, торча где-нибудь в углу, пока мы с Виком беседовали. В такие моменты он напоминал гигантский вопросительный знак, и та манера, с которой Вик смотрел на Борна, показывала мне, насколько он опасается моего нового друга.

Какое-то время после ухода Вика наши с Борном разговоры оставались скомканными и натянутыми. Я избегала вопросов, которые должна была задать прежде, но потом все-таки возвращалась к ним, поскольку у меня не было выбора. Я думала о себе как о его щите против Вика, чьи вопросы будут куда агрессивнее, а выводы – жестче.

В общем, я вернулась к мысли, что Борн – это машина. Отыскала в развалинах древнюю книгу, показала ему фотографии робота и биоинженерной коровы. Долгонько же теперь пришлось бы искать корову, пасущуюся в городе!

– Ну и как? Узнаешь?

Борн вскинулся, отравив множество псевдоподий, словно проступивших из пор.

– Я не машина. Я – личность. Точь-в-точь как ты, Рахиль. Точь-в-точь.

Тогда он обиделся в первый раз. Прежде я, бывало, ставила его в тупик, но не оскорбляла.

– Прости, Борн, – искренне извинилась я, решив сменить тему. – А как ты вообще оказался в городе?

– Не помню. Вроде бы была вода, много воды, и я шел. Просто шел.

– Нет-нет, – терпеливо возразила я. – Это мои воспоминания. Я сама тебе об этом рассказывала.

Подобные конфузы происходили с ним как-то уж слишком часто. Подумав немного, Борн сказал:

– Я знаю многое о многом, что не было моим. Но все смешалось. Я все смешал. Должен был смешать. В белом свете.

Мне сразу же вспомнился свет, часто встречавшийся в рассказах о смерти, типа: «Я оказался в туннеле и видел белый свет».

– Ты что-нибудь помнишь об этом свете?

Он не ответил. Вместо этого, решив, видимо, сделать мне приятное, сказал:

– Я обрел себя, когда ты меня подобрала! Я был найден тобою! Ты сорвала меня. Сорвала.

Слово «рвать» было тогда для Борна новым, оно, похоже, навсегда его очаровало. Всякие «рвать» и «вырвать» так и сыпались из него. Временами он принимался вприпрыжку носиться по коридорам, будто слабоумный школьник, выкрикивая «Рвак-рвак-рвак!» на манер лягушачьего кваканья, которому я его научила. Однако теперь его голос звучал все ниже и ниже, а сам Борн делался все более плоским, пока не растекся лужицей на полу у моей кровати. Он делал так всякий раз, рассказывая о том, что его пугало.

– Ты знаешь, в чем смысл твоего существования? – спросила я.

Недавно появившиеся глазки-стебельки вытянулись, непонимающе уставившись на меня, а затем снова втянулись обратно.

– Цель, – пояснила я. – То, зачем ты живешь. Ты же появился с какой-то целью?

– Рахиль, а цель должна быть обязательно?

Меня, сидящую в своей комнате, уставившись на покрытый плесенью потолок, словно обухом ударило. Действительно, какова моя собственная цель? Копаться в мусоре для себя и Вика, а теперь еще и для Борна? Выживать, выживать и... ждать? Но чего?

Однако я собиралась быть ему хорошей воспитательницей и другом, поэтому сказала:

– Да, цель есть у всех и вся. Каждая личность должна обязательно иметь цель в жизни или пытаться ее найти.

Цель. Или – мотив.

– А я – личность? – спросил Борн, и стебельки его глаз приподнялись, впившись в меня.

– Да, Борн, – ответила я без колебаний. – Ты – личность.

Он действительно был для меня личностью, если не чем-то большим.

– Я личность в здравом уме?

– Не понимаю, что ты имеешь в виду, – ответила я, использовав уловку, к которой часто прибегала, когда требовалось подумать и посоветоваться, так сказать, со своим здравым умом.

– Если есть здравый ум, значит, бывает и нездравый?

– Полагаю, что да. Конечно, бывает.

– А откуда он берется? Он сам зарождается внутри?

– Ну, это сложный вопрос, – ответила я.

В другой раз я бы сказала что-то вроде «А тебе что, хочется обзавестись нездравым умом?» или заявила бы, что подобное случается и так, и сяк: у кого-то зарождается, у кого-то появляется в результате травмы. Однако в тот день я долго чинила ловушки и устала.

– Сложный потому, что у меня нездравый ум?

– Нет. А ты не хочешь немного помолчать?

Борн, конечно, был личностью, но личностью весьма утомительной, поскольку пытался до всего докопаться.

– Помолчать из-за нездорового ума?

- Молчание – золото.
- Потому, что сделано из света?
- Как ты вообще умудряешься разговаривать безо рта? – заботливо спросила я.
- Потому, что у меня нездоровый ум?
- Ум-то у тебя здоровый. А вот рот – нет.
- Отсутствие рта – это нездорово?
- Отсутствие рта – это... – я расхохоталась, так и не закончив фразу.

Я воспринимала все эти его разговоры как шалости. Однако в действительности в них проявлялась работа детского, только формирующегося ума, который пока не умел выражать сложные идеи. Отчасти потому, что его органы чувств и сознание работали не так, как мои, он должен был не только понять смысл слов, но и научиться с моей помощью существовать в человеческом мире. В итоге между всем этими состояниями возникла ужасная путаница, связанная с попыткой найти единство, сделаться, по существу, триязычным в мире человеческих существ. Сколько мы друг друга знали, суждения Борна всегда отличались крайней неопределенностью, так что трудно было понять, что собственно он имеет в виду.

Много позже, осознав это, я множество раз прокручивала в памяти наши беседы, пытаюсь перевести их в привычную мне систему координат. Но было уже слишком поздно. Они так и оставались тем, чем были. И означали только то, что означали. Я догадывалась, что многое запомнила неправильно, и это причиняло мне боль.

* * *

Предыдущей ночью, прежде чем мне отправиться на раскопки, Вик зашел меня проведать. В тот период наших отношений такие визиты стали чистой воды формальностью, совершавшейся из чувства долга. Борн тут же принял положение, которое позже сам он шутливо называл «режим истукана»: втягивал глаза, съеживался, ковылял в угол и там стоял, неподвижный и немой.

– Как ты? – спросил Вик, появившись в дверном проеме.

На его скулах залегли резкие тени, и я почувствовала, что ко мне приближается некая абстракция.

– Спасибо, хорошо, – ответила я.

– Завтра будет еще лучше.

– Ага, – согласно кивнула я, хотя вопроса он мне не задавал.

Вик постоял еще минуту, его глаза блестели, как осколки камней, делая его чужим и далеким. Я не хотела причинять ему боль, но меня, что называется, понесло. Он не должен был относиться к Борну столь категорично, вот в чем заключалась его вина. Поэтому я не стала больше ничего говорить. Постояв еще немного, Вик отступил обратно в коридор и, по всей вероятности, отправился засовывать себе в ухо мемо-жука.

Вик отступал в прошлое, а Борн – расцветал. Так все и шло в те дни, и одновременно менялась ситуация в городе: странности цвели и пахли, давно знакомые вещи – увядали. За то время, пока я была там в последний раз, главной силой города стала Морокунья. Она занимала теперь северо-западный район, начинавшийся примерно там, где заканчивалась юрисдикция Компании на южной окраине. Множащаяся армия клевретов помогала ей делать наркоту и защищать территорию от Морда и прочих. А у Вика были единственный бассейн, крепость Балконных Утесов и мусорщица, умевшая ставить ловушки и хранившая от него секреты, а также креатура неизвестного назначения, которую он мечтал изгнать.

Хуже всего было то, что открыто проявились последыши Морда, оказавшиеся еще кровожаднее своего прародителя. Они не ведали никаких законов и правил, даже естествен-

ной склонности спать по ночам. Перед их появлением Морд несколько дней пыхтел и сопел перед зданием Компании, как будто между ней и его последышами имелась какая-то связь. Под его сомнительным покровительством развалины Компании становились все более и более неустойчивыми и небезопасными. Морд то дрых перед воротами, то забывал притворяться охранником и принимался рассеянно крушить стены своей огромной башкой. Мы замечали людей, продолжающих жить на верхних этажах, словно в осажденной крепости. Все их существование свелось к обслуживанию капризов Морда, и до нас доходили слухи, что внизу, на глубоких подземных ярусах Компании, не осталось уже никого.

Несмотря на возросшую опасность, Вик не собирался меня щадить. У нас было соглашение, и я должна была соблюдать свою часть договора. Должна была идти и копать. Не знаю, было ли это милосердием или жестокостью и в чем именно крылся побудительный мотив Вика. Да это было и не важно. Настало время встать с постели.

Когда Вик ушел, Борн протянул один из «усиков» и взял мою руку в свою «ладонь» — вполне сносную копию моей, только немного влажную.

— Рахиль!

— Что, Борн?

— Помнишь, что я говорил о белом свете?

— Да.

— Пока твой друг был здесь, какой-то части меня привиделся кошмар об этом свете.

Я едва удержалась, чтобы не засыпать его вопросами: «Части тебя? То есть ты сейчас спал? И видел сны?» Подобным тоном Борн говорил тогда, когда решался довериться мне, поведать что-то действительно важное.

— Какой еще кошмар? — спросила я, раздумывая, откуда он вообще взял это слово: по крайней мере я ничему такому его не учила, и прежде он его никогда не использовал.

— Я был в темном месте. Но его наполнял свет. Я был один. Но там были другие, похожие на меня. Я был мертв. Мы все были... мертвы.

— То есть неживыми? — переспросила я, памятуя о том, что иногда Борн называл мертвым — неподвижное, например — стул. Или шляпу.

— Неживыми.

— Это был рай или ад?

— Рахиль, — мягко произнес он, — Рахиль, я не знаю, что означают эти слова.

Я тоже не знала. Откуда мне это знать, живя в норе под землей, среди разрушенного мира, и ведя беседы с жизнерадостным монстром? Я рассмеялась, прогоняя ненужную идею, потому что она была смешной.

— Не важно, Борн. Это религия, я потом объясню тебе... Или не объясню.

Мои родители не были религиозны, а на примере культа Морда я узнала, что в городе религия давала не надежду на искупление, а манила смертью.

— Хорошо, — ответил Борн, и в его глазах мелькнула какая-то укоризненная улыбка. — Я не всегда тебя понимаю, Рахиль. Я тебя люблю, но не понимаю.

Любовь? Он только что признал, что ничего не знает о рае и аде. Что он может знать о любви? Отмахнувшись от этой мысли, я спросила, побуждая его рассказывать дальше:

— И что было потом?

— Я попытался проснуться. Попытался разбудить других. Но не смог. Потому что был мертв. Да, именно так: я был мертв. А мне обязательно надо было проснуться, потому что открылась дверь.

Опять же, слово «дверь» у Борна могло означать что угодно.

— И что произошло, когда она открылась?

— Они заставили меня пройти через нее. Я не хотел проходить в дверь, и не только потому, что был мертв.

– А что было за дверью?

Все глаза Борна разом обратились ко мне, будто ряды далеких звезд, мерцающих на темно-фиолетовом небе его кожи. Впервые за долгое время я почувствовала, что совершенно не знаю Борна.

– Я же был мертв, и мне неизвестно, что находилось за той дверью.

Больше он ничего не сказал.

Что случилось, когда я снова вышла наружу

Я намеревалась подобраться к Морду поближе и следовать за ним по пятам, как делала прежде. Это было наилучшим способом раздобыть что-нибудь полезное. Оптимальной проверкой моей формы стал бы подъем по ненадежному Мордову боку, с тем, чтобы рискнуть сразу, а не обнаружить позже, что я утратила навыки или самообладание. Но это выглядело слишком опасным. Поразмыслив, я подалась в район, где хозяйничала Морокунья.

С выходом я задержалась. Проснулась поздно, делая вид, что это – всего лишь еще один день моего выздоровления. Однако к полудню прекратила подыскивать отговорки и увертки. Время для выхода было вполне подходящим. Вик еще спал, вернувшись домой позднее, чем рассчитывал, из-за того, что проверял, не увязались ли за ним шпионы Морокуньи или последыши Морда.

Собрала сумку, сложив в нее небольшой запас оружия и припасов. Двух из немногих оставшихся нейро-пауков, способных заморозить нервную систему нападавшего. Двух мемо-жуков, которыми, попади я в беду, можно попытаться откупиться. Кусок чего-то настолько древнего, что оно с равным успехом могло быть и мясом, и хлебом, но Вик уверял, что это вполне съедобно. Хороший, проверенный на практике, длинный нож, немного тронутый ржавчиной и найденный мною в туннелях. Фляжку воды, собранной с запотевшего потолка ванной.

Я чувствовала себя жестокой, сильной и опасной.

Увидев, что я кладу в сумку фляжку, Борн поинтересовался:

– Как потом обойдешься с потом? Ладно, с потом – потом, а чем ты обойдешься? По томаты пойдешь потом?

Мне потребовалось время на расшифровку этой абракадабры. Про «томаты» он, видимо, прочитал в книжке по садоводству.

– Вся наша жизнь – сплошное потом с потом, – несколько на философский лад ответила я.

Впрочем, и настоящими вопросами его слова назвать было сложно, скорее – эхом.

– Так куда ты идешь? – продолжал допытываться Борн. – Люди с сумками всегда куда-то идут. Люди с сумками – это люди с целями.

Упаковав наконец вещи, я обернулась к нему.

– Иду наружу. Мародерствовать. Вернусь до темноты.

– Что еще за мародерство?

– Это значит, что мне придется попотеть, – ответила я. – Попотеть ради тебя.

– Я тоже хочу пойти, – заявил Борн, как будто город был очередным туннелем. – Я должен идти. Решено. Я иду.

Ему нравилось все решать самому, без меня.

– Ты не можешь пойти, Борн.

Мои страхи мигом вернулись. Я считала, что Борн пока не готов встретиться с опасностями города. И дело не только в Морде и Морокунье. Мои коллеги тоже были не сахар: мусорщики, прятавшиеся рядом со своими ловушками, словно пауки, готовые прыгнуть на жертву. Другие, кто пошаманив с найденными в промзонах вещами, обменивали их на еду. Или те, кто, обнаружив богатые залежи чего-нибудь, ревностно их защищал. И такие, весьма, впрочем, немногие, кто научился выращивать некое подобие пищи на собственных телах и теперь пожирал себя, с каждым днем получая на выходе все меньше и меньше. Наконец, те, кто оказался недостаточно умен или удачлив, такие почти вымерли, их кости удобряли поля разрушенных зданий, не оставив у выживших ни воспоминаний, ни даже тени сочувствия. Я

хотела избежать любой из этих судеб и, кроме того, не желала, чтобы кто-нибудь заполучил Борна в качестве трофея.

Однако Борн был полон решимости сломить мое сопротивление.

– У меня есть идея, – сказал он. – Только не говори сразу «нет».

Еще один излюбленный его ход. *Только не говори сразу «нет»*. Когда это, интересно, я говорила ему «нет»? Свидетельством обратного являлось возрастающее количество ящериных головок в мусорном ведре в дальнем углу Балконных Утесов.

– Нет.

– Но я же просил не говорить «нет»! – Борн словно обрушил на меня громы и молнии.

Он раздулся во все стороны, заполнив собой комнату и став похожим на покрытое рябью, дикийновое зеленоватое озеро. С потолка на меня уставились два громадных красных сверкающих глаза. Явственно завоняло горелым. Он прекрасно знал, что я не люблю этого запаха. (К сожалению, он не возражал, если я воняла ему в отместку.) К его истерике я отнеслась спокойно, она меня ничуть не испугала. За время своей болезни чего я только не повидала.

– Как-нибудь в следующий раз, – ответила я своим любимым ходом.

Борн сжался до размеров и очертаний крупной зеленой собаки, два красных глаза слились в один большой карий, преданно смотревший на меня. Борн спрыгнул с потолка на пол. Наружу вывалился собачий язык.

– В следующий раз! В следующий раз. В следующий раз? – взволнованно затыкал Борн.

– Посмотрим.

Надувшись, он спрятался в ванной. В последнее время Борн стал угрюмым и вспыльчивым. Отчасти потому, что еда, которую он получал от меня, была довольно однообразной, а возможно, и потому, что, несмотря на необходимость избегать Вика, он уже обследовал каждый дюйм Балконных Утесов. Я была совершенно уверена, что несмотря на его способность делаться маленьким, туннели и коридоры начали вызывать у него приступы клаустрофобии. Но что поделать, мне не хотелось, чтобы Борн выходил наружу.

Временами, когда мои родители с обожанием смотрели на меня, я физически чувствовала тяжесть их любви и, проказничая, показывала им язык. Теперь же сама с обожанием смотрела на Борна.

* * *

Яркий свет снаружи поразил меня, лучи света прорезали пространство под самыми странными углами. Я переменила три или четыре ложных маршрута, а последние сто футов проползла, ободрав бока, по узкому лазу, чтобы убедиться в отсутствии соглядатаев, пока наконец не выбралась. А выбравшись, зажмурилась от слепящего солнца, его жар после долгого пребывания под землей был даже приятен. Судя по всему, я находилась на территории Морокуньи, однако в отличие от предыдущей Морда, она умела спать, а ее претензия на контроль являлась, скорее, бунтом против всемогущества Великого Медведя.

Жилой район выглядел так, будто подвергся массированным бомбардировкам, причем удерживался защитниками до конца. Кто бы ни поселился здесь теперь, следов своего присутствия они не оставляли, поскольку оставлять следы означало приманивать хищников. В почерневших стенах зияли рваные отверстия. Нигде ни дверей, ни даже дверных петель. Крыш тоже почти не осталось. Прогнившие древние телефонные столбы, сломанные у основания, подпирали стены выстроившихся в ряд мертвых домов с пыльными площадками на месте бывших газонов. Столбы, видимо, поломал Морд, – все они лежали под одинаковым

углом. Там, где улица была сильно занесена песком, приходилось ориентироваться по столбам.

Я была уязвима в окружающей тишине, хотя и держалась в тени бесполезных стен, стараясь двигаться так, чтобы солнце всегда оставалось у меня за спиной. Выбирала только безлюдные тропы, разве что кто-нибудь виднелся совсем далеко. Как, например, несколько потерянных душ на веранде рядом с кучей обвалившихся балок, когда-то бывших домом. Или двух человек, удирающих прочь, поминутно оглядываясь назад. Амбала в черном, рубящего что-то топором... дрова? мясо? Я не стала задерживаться, чтобы это выяснить.

В те дни город казался тихим и спокойным не потому, что в нем не осталось обитателей. Просто вы не всегда могли обнаружить их присутствие. Теперь мало кто жил хорошо, долго и счастливо. Но как-то мы продолжали существовать, и, находясь вне надежных стен Балконных Утесов, я старалась не забывать, что вокруг были люди: они спали, прятались и выжидали, зарывшись глубоко под землю, когда я или кто-то вроде меня не пройдет мимо, надеясь поймать нас в ловушку или западню, на худой конец, проследить за прохожим на случай, если у него имеется еда или полезные биотехи.

Пригнувшись к самой земле, я перебежала перекресток к следующему укрытию. Шмыгнула в дыру размером с дверной проем, проделанную в стене взрывом, может быть, для того, чтобы обеспечить кому-то безопасный проход под снайперским огнем. Во все стороны прыснули ящерицы. Я ощущала только собственное учащенное дыхание, запах пота и хруст пыльного гравия под подошвами ботинок. Высохшие остатки чьей-то попытки развести огород и несколько новых, судя по натяжению, бельевых веревок.

Подойдя к краю двора, я наткнулась на необычную картину. Для города, впрочем, она как раз была самой обычной. Три мертвых астронавта, упавших на Землю и вкопанных в нее по грудь, словно поникшие тюльпаны, разбитые забрака были полны праха. Из шлемов расползались то ли странные лишайники, то ли плесень. А еще – кости. Мое сердце вздрогнуло, заматавшись между надеждой и отчаянием. Выходит, кто-то все-таки прибыл в город из недоступного далека, например – из космоса! Это означало, что где-то там оставались люди. Но прибывшие погибли здесь, как гибло здесь все.

Затем я сообразила, что никакие они не астронавты, только похожи. Просто солнце выбелило их защитные костюмы. Настроение противоестественно улучшилось. Я не знала, что тут произошло. Наверное, они были врачами, присланными на борьбу с какой-то заразой в последние дни перед тем, как разразился хаос. Хаос, в который позже внесла свою лепту и Компания. А может, они были кем-нибудь еще. Однако теперь они торчали здесь, и на месте их лиц разрослось странное. Я не помнила, чтобы видела их тут месяц назад. И не доверяла тем, кто их здесь прикопал, пусть даже те люди давно умерли или ушли. Потому что кто-то или что-то могло до сих пор скрываться внизу, под слоем земли и песка.

Что бы ни стояло за этой падалью, приближаться к ней не стоило, и я рассматривала детали в бинокль. Столь нарочито. Слишком мало общего с жизнью. Перчатки на костях их рук не сочетались с костюмами и, видимо, были притащены из магазина. Мне показалось, что в разбитом забрале одного из шлемов что-то мелькнуло, отражение кого-то за моей спиной. Я резко обернулась. Никого. Однако ощущение не проходило, а я всегда доверяла своим ощущениям.

Есть много трюков, позволяющих засечь шпиона. Самый банальный – встать вполоборота и сделать вид, что завязываешь шнурки. Вполне достаточно, чтобы обнаружить наивного, неопытного или неловкого соглядатая. А если они намерены напасть, это побудит их показаться, потому что в этот момент вы кажетесь им легкой добычей, утратившей бдительность.

Новый намек на движение в углу, который я проверила по пути сюда. И снова все почти мгновенно замерло. Странное чувство, но я опять начала доверять своим странным чувствам.

Слева, позади меня, находился полностью разрушенный таунхаус, справа – одноэтажные дома, а посередине – пыльная дорога. Я достала из сумки жука и сунула в карман, затем, не заходя во дворик с мертвыми «астронавтами», метнулась на противоположную сторону улицы, туда, где лучше сохранились дома, и по гряде щебня забралась на отлогую крышу. Нужно было взглянуть на все сверху, хотя противная дрожь в коленях и слабость, появившаяся в плечах, говорили, что лезть на крышу – плохая идея.

Я растянулась на шершавой черепице и гнилых щепках. От них исходило слабое, истомленное тепло. Крыша была повреждена, но вполне надежна. Небо надо мной горело дурным синим пламенем. Вдалеке тонкой зазубриной манил мираж гор. Вот только никаких гор там не было, насколько мы знали. Небо лгало нам.

Сверху открывался обзор на могильник домов таунхауса, кривоватый перекресток походил на крест. Я могла даже разглядеть кукольные головки мертвых «астронавтов» в том нелепом дворике.

Несмотря на выгодную позицию, я чувствовала себя выставленной напоказ, такое впечатление, будто я была триангулятором и вместе с тем – древней мстительницей, ищущей сатисфакции: волнующее состояние охотника в засаде, может быть, даже снайпера, заставляло трепетать. Но торчать на крыше в этом городе было тем еще удовольствием. В любую минуту вниз мог спикировать Морд и сцапать меня прежде, чем я сцапаю того, кто прятался на земле. Или, что куда более обыденно, на крышу заберутся последыши Морда и шутя разделают меня на рагу.

Несколько минут ничего не происходило. Я лежала, как поваленная статуя. Наконец, показалось нечто, сперва совершенно непонятное: на улицу вывернула фигура. Я напряглась, съехившись за коньком крыши, и всмотрелась в игру света и теней.

Ко мне приближался кто-то высокий, закутанный в темное одеяние. В остроконечной широкополой шляпе, сдвинутой на самый нос. Эта шляпа с обвисшими полями быстро вращалась и блистала звездами, а походка выглядела странно текучей и разболтанной. Потом до меня дошло, что так мог бы ходить ребенок, разжившийся телом взрослого. Руки безвольно висели, болтаясь при каждом шаге. Они были слишком бледными и какими-то незначительными, словно туловище и ноги – реальные, а руки добавлены только для завершения образа.

На некотором расстоянии за фигурой следовал «хвост»: маленький зверек, подсматривающий, выглядывая из-за углов, точно так же как подсматривала я, выглядывая из-за конька крыши. В бинокль я разглядела торчащие ушки и розовый язычок, вроде лис, глаза только странные. Любопытное бродячее животное, ищущее падаль? Или шпион? Ищейка? Тогда чей и откуда? Кем бы он ни был, его инстинкты оказались под стать моим: зверь вдруг поднял голову, заметил меня и тут же исчез, словно его никогда не было.

Фигура в шляпе сделала еще несколько шагов. Страх отступил, я про себя хихикнула, но веселье тут же сменилось раздражением и беспокойством. По улице как ни в чем ни бывало топал замаскированный Борн. Никаких одежд он не надевал, он пошел дальше: вырастил тряпье из своей кожи. Шляпа была его головой, а узор из звезд – глазами.

Когда он приблизился к дому, я свесилась с крыши, не желая вставать и становиться для кого-нибудь легкой мишенью.

– Борн! – позвала я.

Тот остановился и испуганно взглянул вверх.

– Вот тебе раз! – воскликнул он.

После чего принялся расти, все выше и выше, вертясь штопором, пока не дотянулся, распрямившейся пружиной, до самой крыши. Его волшебная шляпа близоруко уставилась мне в глаза.

– Борн! – от возмущения я чуть не упала.

– Рахиль! – Он мягко спружинил на землю, продолжая глядеть на меня.

– Борн.

Голова у меня запоздало закружилась. С утра он еще подросток.

– Рахиль, ты не должна была меня увидеть.

– А ты не должен был здесь оказаться! Тут небезопасно.

– Если тут небезопасно, зачем ты сюда пошла? – спросил он с оттенком раздражения, появившимся только на прошлой неделе.

– Это моя работа. Ты меня не послушался. Следил за мной, а это – плохо. Плохо!

Хотя Борн находился на полпути от ребенка к взрослому, он так и не перерос это самое «плохо» и «хорошо». Он всегда хотел быть «хорошим».

– Я знаю.

Он смутился. На самом ли деле? В позе Борна было что-то ликующее. Он испытывал восторг, и никакие выговоры не могли его умалить, раз уж не смог этот кошмарный, огромный мир вокруг. Несмотря на мою показную суровость, его настроение передалось мне. Наверное, он это почувствовал.

Одежда опала, и Борн снова сделался шестифутовой помесью кальмара и морского анемона с кольцом глаз. Вздвогнув, я отступила, рука сама потянулась к жуку. Никогда еще Борн не казался таким чужим, как в тот момент: голый и одинокий посреди улицы, пусть даже мне хорошо был знаком его истинный облик.

Ничто и никто не выглядело здесь настолько чуждым.

Я готова была бросить его тут, среди пыльных развалин, удрать, перепрыгивая с крыши на крышу, как можно дальше. Моя жизнь сразу стала бы проще и лучше, а Борн пусть донимает кого-нибудь другого. Но мгновенно нахлынувшее чувство утраты заставило меня пошатнуться, я чуть не свалилась с крыши. Нет, так поступить я не могла.

Внезапно воздух потяжелел, в голове родилась абсурдная мысль, что это приближается Морд. Я стремительно скатилась вниз. Ко всему прочему, мне не улыбалось торчать тут после заката.

– Кем это ты вырядился? – поинтересовалась я.

– Да так, – сказал Борн, не глядя мне в глаза, что, учитывая количество его собственных глаз, было настоящим подвигом.

– А все же?

– Волшебником, – застенчиво пробормотал он. – Из старой книжки, найденной в Балконных Утесах.

– Какой книжки?

– Не помню. Про волшебников много книг. И все они похожи.

– Только заклинания у них разные, – заметила я.

– Правда? А Вик тоже волшебник? Он знает заклинания?

– Я волшебница. И знаю одно заклинание, которое вернет тебя в Балконные Утесы.

– Это не заклинание, – неуверенно возразил Борн.

По крайней мере, волшебники не были морокунами. Если он попал под заклинание настоящей морокунии, мы все погибли.

– Что же мне с тобой делать-то? – спросила я его, поскольку сама понятия не имела.

Конечно, глупо было надеяться уберечь Борна от дурного влияния улицы. Будь у меня время, я прямо на месте преподавала бы ему наглядный урок, рассказав об опасностях, окружающих нас со всех сторон. Открыла бы то, о чем до сего момента не упоминала: боль-

шинство мусорщиков будут рассматривать его как утиль. Никто не увидит в нем личность, только вещь.

На обратном пути мы снова прошли мимо мертвецов в разбитых костюмах. Борн помахал им рукой и попрощался.

Как будто знал их лично, и они были его добрыми друзьями.

Спустя какое-то время я опять почувствовала затылком покалывание чужого взгляда. Вскоре обнаружился и источник этого чувства, тенью следовавший за нами на мягких лапках.

– Этот лис идет за тобой, Борн. Что это значит?

– Он мой ручной лис.

– Он вовсе не ручной лис. Разве ты его приручил?

– Нет. Он мне не позволяет.

– Почему тогда он ходит за тобой?

– Я ему сказал.

– Сказал?

– То есть, конечно, я ему не говорил. Это было бы нелепо. Безобразно. Глупо. Неприемлемо.

– Почему бы тебе не подкрасться к нему и не съесть, как ящерицу?

– Нет, он мне этого не позволит.

– Даже если ты устроишь засаду? – Я ничего не имела против лиса, но он и ему подобные уже начали действовать мне на нервы.

– Он всегда включен.

– Что хочешь этим сказать?

– Включен, как лампочка. Другие – тусклые, он – нет.

– В каком смысле? – переспросила я.

Никаких лампочек давно не существовало. Откуда Борн о них узнал?

Он мне не ответил, а когда я обернулась в следующий раз, лиса уже след простыл.

Однако я сделала хороший крюк, путая следы и постаравшись убедиться, что к тому времени, когда мы вышли к тайному входу в Балконные Утесы, никто за нами уже не следит.

* * *

Я проснулась среди ночи, похоже, разбуженная голосом Борна. Он свернулся калачиком у моей кровати, свободно разбросав коротенькие, зеленоватые щупальца, множество глаз так и шныряли по телу. Половина наблюдала за мной, половина – за входной дверью. У меня возникло впечатление, тут же, впрочем, пропавшее, что несколькими мгновеньями раньше он наблюдал за мной с гораздо более близкого расстояния.

«...я не знаю, почему они за мной ходили, и не подозревал, что снаружи все будет таким пыльным и большим. Какое же оно большое. Там было небо. Огромное небо. Такое огромное, что казалось, оно вот-вот упадет на меня. А еще все эти... стены. Стены, стены... Маленькие зверюшки, идущие за мной, и жара. Там было жарче. Да, жарче. Определенно жарче. Мне не хотелось пить, но я вполне мог и попить. Потому что было жарко. Широкие просторы. Это – город. Так выглядит город в жизни. Как-то так. Да, именно так...»

«А еще там были мертвые астронавты. Закопанные в землю».

«Астронавты» надолго запали ему в мысли. Он раздобыл трех кукол и несколько недель возился с ними, ведя воображаемые беседы. Якобы они только что прибыли с Луны и помо-

гали восстанавливать жизнь на Земле, или что-то в подобном роде. Наличие кучи щупалец помогало ему разыгрывать весьма сложные сцены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.